ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 49 (3078) Четверг, 23 апреля 1953 г. Цена 40 коп.

Работники литературы и искусства! Повышайте идейный и художественный уровень своего творчества! Создавайте произведения, достойные нашего великого народа!

(Из Призывов ЦК КПСС к 1 Мая 1953 года)

Первомайские Призывы

Советская весна — весна жизни и созидания, свободного труда и творчества — вновь вступила в свои права. Словно облака, плывут в весеннем небе мирные дымы заводов и фабрик. На просторах колхозных полей гудят тракторы, и семена будущего урожая ложатся в заботливо подготовленную почву. Все выше поднимаются леса новостроек. По «большой воде» уходят в первое плавание караваны судов...

Добрые вести приходят со всех концов нашей Родины. Верные славной своей традиции, советские люди встречают 1 Мая — день международной солидарности трудящихся, день братства рабочих всех стран — большими успехами в труде, в социалистическом соревновании в честь приближающегося праздника.

Могучий радостный отклик нашли в сердцах всех трудящихся Советской страны опубликованные вчера в газетах Призывы ЦК КПСС к 1 Мая 1953 года. Вдохновенные слова Призывов воодушевляют советский народ на новые победы в строительстве коммунизма.

— Да здравствует 1 Мая — день международной солидарности трудящихся, день братства рабочих всех стран!

Выше знамя пролетарского интернационализма!

Эти слова вслед за советскими людьми с величайшим единодушием повторят наши друзья и братья в странах народной демократии, миллионы и миллионы борцов за мир и национальную независимость во всех частях земного шара. В первомайских Призывах Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза трудящиеся всех стран видят новое яркое выражение идей пролетарского интернационализма и международной солидарности.

Народы жаждут мира. В неодолимую силу превратилось величайшее движение нашего времени — движение сторонников мира. Все, кому дороги судьбы человечества, с чувством величайшего удовлетворения увидят в первомайских Призывах ЦК КПСС новое замечательное свидетельство неизменного, последовательного, искреннего миролюбия Советского Союза.

— Да здравствует мир между народами! Нет такого спорного или нерешенного вопроса, который не мог бы быть разрешен мирным путем на основе взаимной договоренности заинтересованных стран!

— Трудящиеся всех стран! Мир будет сохранен и упрочен, если народы возьмут дело сохранения мира в свои руки и будут отстаивать его до конца! Крепите единство народов в борьбе за мир, умножайте и сплачивайте ряды сторонников мира!

Советский Союз идет во главе могучего лагеря мира, демократии и социализма. Плечом к плечу с нашим народом строят новую жизнь трудящиеся стран народной демократии, отмечающие первомайский праздник серьезными достижениями в хозяйственно-культурном строительстве.

Коммунистическая партия и Советское Правительство считают своей священной обязанностью хранить и укреплять величайшее завоевание народов — лагерь мира, демократии и социализма, крепить вечную, нерушимую братскую дружбу советского народа с великим китайским народом, с трудящимися стран народной демократии.

Первомайские Призывы провозглашают:

— Братский привет трудящимся стран народной демократии, успешно строящим социализм!

Да здравствует и крепнет нерушимая дружба и сотрудничество народно-демократических стран и Советского Союза!

— Братский привет великому китайскому народу, достигшему новых успехов в строительстве могучего народно-демократического китайского государства!

Пусть крепнет и процветает великая дружба Китайской Народной Республики и Советского Союза — прочная опора мира и безопасности на Дальнем Востоке и во всем мире!

Первомайские Призывы передают братский привет героическому корейскому народу, борющемуся за свободу и независимость своей родины. Советское Правительство в течение вот уже трех лет неизменно поддерживает все шаги, имеющие целью прекращение войны в Корее. Оно выразило свою полную солидарность с предложением, недавно выдвинутым правительствами Китайской Народной Республики и Корейской Народно-Демократической Республики и направленным на достижение соглашения о перемирии и прекращении войны в Корее.

Советские люди шлют привет германскому народу, который борется за скорейшее заключение мирного договора, за создание единой, независимой, миролюбивой, демократической Германии. Они приветствуют японский народ, который мужественно борется за национальное возрождение, независимую, демократическую, миролюбивую Японию. Советский народ шлет братский привет народам колониальных и зависимых стран, борющимся против империалистического гнета, за свою свободу и национальную независимость.

Мир дорог всем народам, и они объединяются в священном стремлении отстоять самое драгоценное достояние человечества — право на мирную жизнь. Первомайские Призывы провозглашают:

— Да здравствует дружба народов Англии, Соединенных Штатов Америки и Советского Союза в их борьбе за предотвращение войны и обеспечение прочного мира во всем мире!

Советский Союз неуклонно и последовательно проводит политику сохранения и упрочения мира, политику сотрудничества и развития деловых связей со всеми странами. Советская внешняя политика исходит из ленинско-сталинского положения о возможности длительного мирного сосуществования двух систем. Такая политика отвечает жизненным интересам советского народа и вместе с тем всех других миролюбивых народов.

— Да здравствует внешняя политика Советского Союза — незыблемая политика сохранения и упрочения мира, борьбы против подготовки и развязывания новой войны, политика международного сотрудничества и развития деловых связей со всеми странами!

Внешняя и внутренняя политика, выработанная Коммунистической партией и Советским Правительством, привела нашу страну к всемирно-историческим победам. Наша могучая Родина находится в расцвете своих сил. Советские люди хорошо знают, всем сердцем чувствуют, что в единении Коммунистической партии, Советского Правительства и народа — источник силы и непобедимости дела коммунизма. Коммунистическая партия своим беззаветным служением Родине завоевала горячую любовь и безграничное доверие народа. Вот почему глубокий отклик в душе каждого советского патриота находит Призыв Центрального Комитета КПСС:

— Трудящиеся Советского Союза! Еще теснее сплотимся вокруг Коммунистической партии и Советского Правительства, мобилизуем наши силы и творческую энергию на великое дело построения коммунизма в нашей стране!

Да здравствует нерушимое единение Коммунистической партии, Советского Правительства и народа!

Рабочие, колхозники, интеллигенция Советского Союза с огромным подъемом, с невиданной творческой активностью борются за проведение в жизнь выработанной партией и правительством политики, направленной на дальнейшее усиление могущества нашей социалистической Родины и непрерывный подъем благосостояния нашего народа.

Союз рабочего класса и колхозного крестьянства, братская дружба между народами нашей страны — основа могущества и непобедимости Советского государства. Нам не страшны никакие ни внутренние, ни внешние враги, пока нерушимы единство и братская дружба народов нашей страны. В первомайских Призывах говорится:

— Трудящиеся Советского Союза! Укрепляйте нерушимый союз рабочего класса и колхозного крестьянства, братскую дружбу между народами нашей страны! Неустанно крепите единство великого Советского многонационального государства!

В нашей стране созданы все условия для развития и расцвета человеческой личности. Конституция СССР гарантирует всем советским гражданам великие права. С законной патриотической гордостью за свою Родину, где последовательно и неуклонно осуществляются принципы социалистического демократизма, встречают советские люди слова первомайских Призывов:

— Права советских граждан, гарантированные нашей Конституцией, — незыблемы и свято оберегаются Советским Правительством.

Да здравствует Конституция Союза Советских Социалистических Республик!

Первомайские Призывы выдвигают конкретные задачи перед работниками промышленности и транспорта, перед тружениками города и деревни, задачи, успешное решение которых позволит еще более укрепить экономическую мощь Советского государства, еще выше поднять материальный и культурный уровень советского общества.

Законом для Коммунистической партии и Советского Правительства является неустанная забота о благе народа. Постановление Совета Министров Союза ССР и Центрального Комитета Коммунистической партии о новом снижении государственных розничных цен на продовольственные и промышленные товары с 1 апреля 1953 года — яркое свидетельство этой заботы о благосостоянии трудящихся, о максимальном удовлетворении их материальных и культурных потребностей. Заботой о благе народа, которую советские люди ощущают на каждом шагу, проникнуты первомайские Призывы. В них перед работниками различных отраслей промышленности и торговли ставятся задачи увеличить производство, расширить ассортимент, повысить качество продуктов питания и товаров широкого потребления, образцово обслуживать бытовые нужды населения, всемерно расширять сеть магазинов и предприятий общественного питания. Обращаясь к служащим государственных учреждений, партия призывает их улучшать работу советского аппарата, укреплять государственную дисциплину, строго соблюдать социалистическую законность, чутко относиться к запросам трудящихся.

Коммунистическая партия и Советское Правительство неустанно заботятся о создании изобилия духовных богатств, о дальнейшем подъеме науки и техники, литературы и искусства. Первомайские Призывы, обращенные к работникам научных учреждений и высшей школы, народного просвещения, здравоохранения, к деятелям литературы и искусства, выдвигают перед советской интеллигенцией высокие задачи. Коммунистическая партия призывает:

— Работники литературы и искусства! Повышайте идейный и художественный уровень своего творчества! Создавайте произведения, достойные нашего великого народа!

Сплоченный, как никогда, вокруг Коммунистической партии Советского Союза и правительства, наш народ с воодушевлением осуществляет великую программу коммунистического строительства. И в канун первомайского праздника из края в край Советской страны разносятся вдохновенные слова первомайских Призывов, глубоко выражающие мысли и чувства всех советских людей:

— Да здравствует великий Союз Советских Социалистических Республик — твердыня дружбы и славы народов нашей страны, несокрушимый оплот мира во всем мире!

— Да здравствует Коммунистическая партия Советского Союза, великая направляющая и руководящая сила советского народа в борьбе за построение коммунизма!

— Под знаменем Ленина — Сталина, под руководством Коммунистической партии — вперед, к победе коммунизма!

В честь праздника

Советские люди с воодушевлением встретили Призывы ЦК КПСС к 1 Мая 1953 года. На предприятиях и в учреждениях проводятся беседы агитаторов.

В честь праздника многие бригады Московского автозавода имени И. В. Сталина выполнили апрельские и четырехмесячные программы. Успехами встречает 1 Мая Трансформаторный завод; в адрес строительства Сталинградской гидроэлектростанции вчера отправлены четыре силовых высоковольтных трансформатора. Вчера за полдня локомотивные бригады депо станции Москва — Сортировочная Московско-Рязанской железной дороги доставили к месту назначения семнадцать тяжеловесных маршрутов.

За боевую театральную критику!

1. Борьба за правдивость искусства, его высокую идейность и мастерство — главнейшая и основная задача советской художественной критики. Вести такую последовательную и целеустремленную борьбу — это значит не только от случая к случаю давать оценку отдельным произведениям. Воинствующая партийная критика должна постоянно воспитывать наших художников, предупреждать их от ошибок на трудном и благородном пути развития социалистического искусства.

Деятельность советского критика несовместима с компромиссами и конъюнктурщиной, каким бы то ни было лавированием, виляющей двусмысленностью оценок, разговором вполголоса. Ему должны быть чужды и враждебны безидейность и аполитичность, объективистские рассуждения, эстетская вкусовщина оценок. Это относится ко всем без исключения областям художественной критики, в том числе и к критике драматургии и театра.

В постановлении Центрального Комитета партии «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» говорилось:

«Неудовлетворительное состояние репертуара драматических театров объясняется также отсутствием принципиальной большевистской театральной критики».

За годы, прошедшие после опубликования этого постановления Центрального Комитета партии, заметно возросло внимание наших газет к вопросам театра и драматургии. В газетах и журналах можно встретить порою статьи, затрагивающие важные вопросы драматургии и театра, существенные проблемы советской театральной эстетики.

Однако необходимо признать, что и до сих пор театральная критика далеко отстает от предъявляемых к ней требований, плохо помогает драматургам и театрам и не радует зрителей.

Очень многие театрально-критические статьи свидетельствуют, что авторы этих статей и редакции, опубликовавшие их на страницах газеты или журнала, забыли одну непреложную истину: **критика есть род литературы, есть творчество, а критик — это литератор, который может браться за перо только тогда, когда ему есть что сказать читателю, и который обязан, как всякий литератор, владеть профессиональным мастерством.** Забвение этой бесспорной истины привело к тому, что нередко театрально-критические статьи на деле являются аннотациями спектаклей или пьес, снабженными «отметками» драматургу, режиссеру и актерам. Авторы подобных статей, садясь за письменный стол, ставят перед собой не творческую задачу осмысления художественного явления, поверки искусства жизнью, а примитивную, школярскую задачу «пересказать» спектакль или пьесу.

Такие рецензенты не утруждают себя поисками формы статьи, а чаще всего берут злосчастный эталон «обычной» рецензии, где две трети принадлежат пересказу содержания, а одна треть уходит на перечень «отметок». Именно поэтому, а также потому, что рецензенты забывают о необходимости **своего, индивидуального** отношения к произведению искусства, многие статьи похожи друг на друга, как две капли воды.

Опубликование стандартных, бездушных, ничего не говорящих уму и сердцу читателей рецензий-аннотаций есть не только признак отставания нашей театральной критики, но есть также проявление **формального** отношения редакции журнала или газеты к театрально-критической работе, к тем задачам, которые поставила в этой области партия. Надо, наконец, добиться того, чтобы редакция не тешила себя фактом появления театральной рецензии, а честно отвечала на вопрос: нужна ли эта рецензия, принесет ли она пользу?

Образцом формального подхода редакции к театральной критике и беспомощности рецензента может служить, например, рецензия И. Адова на спектакли двух московских театров, поставивших пьесы о Сергее Лазо («Вечерняя Москва», 7 января 1953 г.). Пьеса Е. Бондаревой, идущая в Театре Советской Армии, и пьеса Л. Рудого, поставленная Театром драмы и комедии, — произведения разные, причем каждой из них присущи свои весьма значительные недостатки. Естественно предположить, что, говоря о них в общей рецензии, автор попытается всерьез сопоставить две пьесы, разобраться в причинах неудач, подсказать пути исправления. Этого в статье нет. Лениво и привычно пересказав пьесу Е. Бондаревой, рецензент вовсе умалчивает о том, как построена пьеса Л. Рудого (чего уж тут, — события-то ведь, дескать, одни и те же), и предваряет свой «анализ» выводом: обе пьесы «смотрятся с увлечением и создают живое представление о Сергее Лазо, о его боевых соратниках, о тяжелой и славной борьбе советских патриотов...»

В той же «Вечерней Москве» 17 декабря 1952 года напечатана рецензия В. Блока на спектакль «Павлик Морозов». Тут дан такой образец «художественного анализа»: «Взволнованность драматурга не доходила бы, разумеется, до зрителей, если бы его произведение было лишено художественного мастерства».

В чем же это мастерство проявилось? Об этом рецензент умалчивает.

Рецензии-аннотации, как правило, полны штампов, анализ актерского мастерства подменен в них беглым выставлением отметок, мнимо-профессиональный жаргон, осужденный постановлением ЦК о репертуаре драматических театров, порою переходит в прямую безграмотность.

Образ Олеси «формируется в процессе постепенного накопления тех сведений, за что не любит народ ее и бабку, в длительных беседах со своей бабкой Мануилихой», — пишет рецензент газеты «Уральская кочегарка».

Идейная ясность, отражение в своих суждениях об искусстве требований народа есть неотъемлемые черты советской критики. Между тем до сих пор у нас порой появляются в печати статьи и рецензии, в которых содержатся идейные ошибки, проявляется субъективистский произвол.

Лишь притуплением чувства ответственности за общенародное дело развития советского театрального искусства можно объяснить появление на страницах журнала «Новый мир» осужденной нашей общественностью развязной, нигилистической статьи В. Комиссаржевского «Человек на сцене».

Отставание нашей драматургии в большой мере объясняется тем, что до сих пор плохо разрабатывается теория советской драмы. Разумеется, разработка теоретических вопросов ложится прежде всего на плечи людей, посвятивших себя театроведению и работающих в научно-исследовательских институтах и учебных заведениях.

Однако это вовсе не значит, что критики, пишущие в журналах и газетах о творческой практике драматургов и театров, могут ждать теоретических обобщений от театроведов, а пока обходить вопросы теории стороной. Между тем теоретическая беспомощность, неумение обобщать явления искусства, неумение на анализе конкретной пьесы или спектакля поставить существенные вопросы для всего советского театра — характерная и печальная черта множества театрально-критических статей.

Один из разительных примеров теоретической путаницы являет собою статья Л. Погожевой «О героях и героическом», напечатанная в газете «Советское искусство» 3 декабря прошлого года. Превратно понимая существо сознательного преувеличения образа в искусстве, автор призывает к «поэтическому преувеличению **фактов**» (подчеркнуто нами. — **Ред.**) и приходит к глубоко неверной мысли о том, что только люди исключительные, характеры героические достойны внимания советского художника. Не умея разобраться в том, что идет от объекта изображения и что от недостаточного мастерства художника, Л. Погожева — хочет она того или нет, — по существу, объявляет рядовых советских людей, не совершивших героических подвигов, но честно работающих на благо Родины, — «массовидными», «серыми», «неинтересными». Любая попытка изобразить рядового, не обладающего героическими чертами человека объявляется в этой статье «натурализмом», а типизация отождествляется с искусственной «героизацией».

Нет надобности доказывать, сколь порочно это мнение, как расходится оно с истинными задачами советского искусства.

На страницах той же газеты «Советское искусство» были напечатаны статьи В. Филиппова «Ревизор» на экране», Н. Вирты «Произведение большой жизненной правды», М. Смирновой «Правда — в типическом», содержащие теоретические ошибки и свидетельствующие о слабом идейно-политическом уровне театральной критики.

Газета «Советское искусство» уже не раз подвергалась критике в партийной печати за недостаточную принципиальность, за произвольные, ошибочные оценки ряда явлений искусства. Интересы читателей требуют, чтобы редакция газеты, призванной поддерживать все лучшее и передовое в нашем театре и активно бороться со всем, что мешает его развитию, решительно улучшила свою работу в области театральной критики.

Далеко не полностью справляется еще со своими задачами в области театральной критики журнал «Театр». Необходимо, чтобы журнал смелее, чем до сих пор, разрабатывал театрально-эстетические проблемы и делал это не отвлеченно, а в неразрывной связи с анализом практики советского театра.

Недостаточное внимание театру и драматургии уделяет и «Литературная газета». На ее страницах все еще мало статей, в которых детально разбираются новые драматические произведения и новые спектакли, еще меньше статей, обобщающих явления нашего театрального искусства. Порой редакция не проявляет должной требовательности к публикуемым материалам. В статье В. Огнева «Красота и правда» об опере Т. Хренникова «В бурю» были мимоходом высказаны бездоказательные суждения о еще не законченной опере Ю. Шапорина «Декабристы». В свое время в газете была напечатана слабая, отписочная рецензия Т. Языковой на спектакль «Путь в грядущее».

2. Серьезная причина отставания театральной критики заключается в том, что круг «действующих», активных критиков, несмотря на появление ряда новых имен под публикуемыми статьями о театре и драматургии, остается все же чрезвычайно узким и ограниченным.

Прежде всего бросается в глаза, что многие литераторы-театроведы, крепко связавшие свою литературную и научную жизнь с театром, обладающие большими знаниями и опытом, в течение многих лет или вовсе не работают в области театральной критики или ограничиваются редкими, случайными выступлениями. Чем объяснить, например, что члены Союза советских писателей, в прошлом активно работавшие театральные критики П. Марков, П. Новицкий, Б. Алперс перестали писать о советском театре? Почему не участвуют в театрально-критической работе С. Мокульский, С. Игнатов, Н. Волков, Ю. Дмитриев, Б. Асеев, В. Прокофьев, Н. Зограф, В. Виленкин, Е. Горбунова? Казалось, кому-кому, как не им, профессорам, докторам и кандидатам искусствоведения, разрабатывающим вопросы истории театра и воспитывающим театральную молодежь, занять место в авангарде нашей театральной критики!

Беда в том, что до сих пор высокая стена отделяет «собственно театроведение» от театральной критики. Научные работники и преподаватели не умеют, а часто не хотят сочетать свою почетную работу в исследовательских институтах и учебных заведениях с не менее почетной и нужной деятельностью театрального критика. Между тем давно установлено и доказано жизнью: искусствоведение не может плодотворно изучать явления прошлого в отрыве от живой практики советского искусства, так же как и критика современного искусства немыслима без серьезных знаний в области истории и эстетики. И если критика наша страдает от того, что многие ее представители не имеют достаточной научно-теоретической подготовки, то с такой же уверенностью можно сказать, что черепашьи темпы, в которых идет работа над созданием трудов по истории и теории театра, и пока еще ничтожные плоды этой работы во многом объясняются отрывом театроведов от живой практики советского театра, затворнической атмосферой в научных учреждениях.

Уход опытных театроведов-литераторов в область «чистого театроведения» наносит серьезный ущерб развитию нашей театральной критики. Есть и такие критики, которые, не работая в печати, предпочитают писать «внутренние» рецензии для издательств и консультаций или ограничивают свою критическую деятельность устными выступлениями на обсуждениях спектаклей и пьес. Спору нет — и та и другая формы работы нужны и полезны, однако они ни в коей мере не могут заменить первейшую обязанность театрального критика — выступления в печати. И закономерно спросить критиков-молчальников: не желание ли «спокойной» жизни, не боязнь ли смело, во всеуслышание высказать свою точку зрения в печати и в иных случаях навлечь на себя гнев и обиду недостаточно принципиальных людей отпугивают их от активного сотрудничества в газетах и журналах?

Активизация всех сил, способных дельно и глубоко судить о явлениях драматургии и театрального искусства, — это лишь одна сторона вопроса о необходимости расширения круга театральных критиков. Другая, не менее важная сторона этого вопроса заключается в том, что необходимо уделить несравненно большее, нежели до сих пор, внимание подготовке молодых театральных критиков.

В театральных институтах, в аспирантуре Института истории искусства Академии наук подготовка театральных критиков ведется без достаточной продуманности и глубины, без ясного представления о важном, государственном значении этого дела.

Прежде всего пора перестать думать, что на факультет, выпускающий специалистов по истории и теории театра, могут приниматься люди лишь на том основании, что они умеют более или менее бойко пересказать общеизвестные факты, составив из них поверхностную рецензию, требуемую на вступительном экзамене. На театроведческий факультет следует принимать лишь тех молодых людей, которые обнаруживают **призвание к** будущей профессии. На актерском и режиссерском факультетах тех же вузов дело обстоит именно так: на экзамене стремятся прежде всего проверить, насколько **одарен** будущий актер. Почему же столь естественной проверке не подлежит будущий критик?

Самым старым и крупным учебным заведением, готовящим кадры театроведов, является Московский государственный институт театрального искусства. За последнее время постановка учебной работы на театроведческом факультете этого института несколько улучшилась, в дипломных работах студентов увеличилось количество современных тем. Но серьезные недостатки все же далеко не изжиты.

До сих пор еще можно слышать отголоски старого и бесплодного спора о «профиле» театроведческого факультета, о том, **к чему** готовит факультет своих питомцев. Между тем вопрос этот достаточно ясен: задача состоит в том, чтобы воспитать вооруженных марксистско-ленинскими знаниями молодых специалистов в области теории и истории театра, способных разрабатывать проблемы театроведческой науки, способных к литературной работе на поприще боевой театральной критики.

Следует признать, что эта последняя задача решается неудовлетворительно. Об этом свидетельствуют многоговорящие цифры. За период с 1949 по 1952 год ГИТИС выпустил 140 молодых театроведов. Из этого количества в печати удалось встретить лишь шестнадцать имен, появившихся под статьями о театре. А если взять более ранний период, то за 14 лет (с 1935 по 1948 год) из числа выпускников театроведческого факультета ГИТИС лишь пятнадцать человек публикуют изредка в печати статьи, т. е. занимаются прямым делом, к которому институт должен был их подготовить. Таким образом, выходит, что факультет готовил примерно, по одному критику в год!

Чем можно объяснить это? Только тем, что руководители и преподаватели института недостаточно заботятся об отборе **способных** людей и воспитании у студентов вкуса к критической работе.

В учебном плане факультета существует семинар по театральной критике. Здесь студенты под руководством преподавателя должны учиться мастерству критика, обретать практические навыки театрально-критической работы. По своему значению эти семинары являются одной из **важнейших** учебных дисциплин. Однако до сих пор в работе семинаров — множество недостатков.

Студенты, посещающие семинар по критике, не обеспечиваются необходимой литературой, плохо знают современную драматургию. Разбор и обсуждение семинарских рецензий на спектакли московских театров часто бывают неполноценными, ибо не все студенты получают возможность увидеть обсуждаемые спектакли. Нередки случаи, когда с разбором на семинаре выступают один-два студента, а остальные молчат, ибо спектакля они не видели.

Недостатки идейно-эстетического воспитания студентов сказываются на семинарах в неумении различать и анализировать позитивные явления современной драматургии. Уже здесь, на семинарских занятиях, проявляется та вкусовщина, которая нередко сказывается потом в выступлениях молодых критиков на страницах печати. Студенты часто не умеют связывать идейно-теоретический анализ произведения с анализом его художественных качеств.

За истекшие семь лет кадры театральных критиков не пополнил и Институт истории искусств Академии наук. Как правило, молодые кандидаты искусствоведения и аспиранты старших курсов, ориентируясь на пример своих руководителей, как критики не выступают, и руководство института их в этом отношении не направляет.

В деле подготовки молодых театральных критиков очень большие задачи стоят перед органами печати, перед редакциями газет и журналов. Сложилось так, что во многих газетах (это относится и к «Литературной газете» и к «Советскому искусству») с театрально-критическими статьями выступают чаще всего штатные работники редакции. Редакционные работники безусловно должны активно работать в печати — иначе какие же они критики! — но очень плохо, когда ими замыкается круг авторов статей о театре и драматургии.

Беда в том, что редакции не умеют создать вокруг себя актив критиков, в частности молодых критиков. Нередко бывает и так, что редакции озабочены лишь тем, чтобы «распределить» темы, не зная при этом интересов критиков, не думая об их творческих желаниях и планах.

3. Насущно необходимо вывести театральную критику из затяжного отставания, поднять ее на уровень тех задач, которые поставлены партией и народом перед советским театром.

Только когда около каждой редакции журнала или газеты будут объединяться в творческом содружестве кадры театральных критиков, опытных и молодых, когда сами критики преодолеют непозволительную инертность и будут считать выступления в печати своим кровным делом, а редакции будут умело направлять творческую активность критиков и расширять их круг, — только тогда будет достигнут ощутимый сдвиг в развитии нашей театральной критики.

Однако неверно было бы полагать, что забота об улучшении театральной критики ложится лишь на газеты и журналы, специально занимающиеся вопросами искусства. В редакционных планах ежемесячных литературно-художественных и общественно-политических журналов Союза писателей статьи о театре и драматургии должны занять прочное и постоянное место.

Большие задачи возлагаются на учебные заведения, готовящие молодые кадры театроведов. Надо, наконец, понять, что результаты работы театроведческих факультетов и театроведческой аспирантуры оцениваются не по количеству выпускников, а по тому, насколько ощутимые плоды приносит работа молодых специалистов в области науки и критики. Поняв это, необходимо подчинить всю учебную работу воспитанию политически и теоретически подготовленных, творчески активных, способных и любящих свое дело театроведов, для которых театральная критика есть неотъемлемая часть их работы.

Многое должен сделать и Союз советских писателей, его комиссия по драматургии и секция драматургов, объединяющие в своем составе и театральных критиков.

В последние годы Союз писателей организует творческие семинары молодых критиков. Необходимо, чтобы театрально-критическая молодежь широко привлекалась к участию в этих семинарах и была обеспечена квалифицированным, действенным руководством. Необходимо также, чтобы комиссия по драматургии и секция драматургов установили тесную связь с научными работниками театральных вузов и научно-исследовательских институтов, привлекали бы их к активному участию в творческих обсуждениях пьес, спектаклей, в дискуссиях по творческим проблемам.

Союзу советских писателей, редакциям «Литературной газеты», «Советского искусства» и журнала «Театр» следовало бы в самом недалеком будущем совместно провести творческое совещание по вопросам театральной критики. Нужно, чтобы в этом совещании приняли участие не только профессиональные критики, но и писатели, научные работники вузов, аспиранты, студенты.

Наша театральная критика должна быть поднята до уровня важного рода литературы, активно вмешивающегося в жизнь советского искусства, воспитывающего советских художников и действительно помогающего им так, как этого требует Центральный Комитет партии, как этого требует советский народ.

БОЛЬШИЕ ДНИ

Николай ВИРТА

Солнце, могучее и радостное, растопило снежный покров, переполнило талой водой овраги, лощины и речушки; потоки ее ринулись в Цну, прошли поверх льда, затопили всю луговую сторону вплоть до самого леса, кое-где оставив покрытые бурой травой возвышенности. Лед взломало неожиданно; в течение дня он пронесся мимо Горелого, миновал во-время снятую плотину и двинулся на север, к Мокше, а следом бежали мутные, темнокоричневые валы. Изо дня в день сливались с лугов воды в Цну, обнажая пойму, дорогу к лесу и в заречные деревушки.

Дней двадцать подряд солнце безраздельно властвовало на безоблачном небе. Дымилась пробуждающаяся к жизни земля, расправлялись, кучерявились нежные стебли озимых, а в низинах еще сверкали вешние озера, отражая небесную синеву.

Едва успела чуть-чуть подсохнуть почва, как люди вышли на подкормку озимых. Шли дружно, всем уже надоело из года в год получать неустойчивые урожаи, а тут еще весна складывалась как нельзя удачнее: осень вылила на озимые потоки дождей, задержание снега и талых вод провели в невиданных масштабах.

***

Я зашел в семенной склад колхоза имени Буденного. Кладовщики принимали с Тамбовского элеватора обменное сортовое зерно, а в закромах грудами лежал крупный овес, золотом отливало просо, белоснежно лежал горох, ядреная яровая пшеница походила в неверном освещении сумеречного дня на матовый, мертвый жемчуг; пушисто громоздились в углу семена многолетних трав. Все это давно очищено, протравлено формалином, проверено в лабораториях на всхожесть, все готово к тому, чтобы лечь в рыхлую, теплую землю, обильно смоченную талыми водами и щедрыми апрельскими дождями.

Тракторы уже заняли свои места в колхозах; они в полной боевой готовности. Даже Селезневская МТС после критики ее директора на сессии районного совета* рьяно взялась за подготовительные работы к севу, а директор Рогатин, которому на недавнем совете МТС представители колхозов выдали внушительную порцию перца, заверил клятвенно, что МТС «не подведет»... МТС начала уже ремонт комбайнов, решив к 15 июня сообщить о полной готовности и этих машин: сейчас кадры комбайнеров проходят практическую и теоретическую подготовку. Будем надеяться, что в этом году нареканий на работу комбайнов будет меньше.

Темп чувствуется во всем. Недавнее обращение колхоза имени Буденного к колхозникам других артелей района, что называется, поддало жара. Расположенный на территории районного центра, огромный, решительно со всеми возможностями для успешной деятельности, колхоз этот раньше хронически отставал: и работали тут плохо, и трудодни были низкие, что тоже не вызывало трудового энтузиазма. Колхоз задолжал государству миллион рублей за оросительные установки, и как раз на орошаемых участках получал самые низкие урожаи. Меняли тут бессчетно председателей, бригадиров, журили, взывали к сознательности — ничего не помогало!

А недавно собрались колхозники в клуб, где на предыдущих собраниях слышались только попреки и жалобы в адрес правления, и начали, пожалуй, впервые за много лет, толковый разговор о том, что надо круто повернуть артельные дела.

Председатель колхоза Татаринцев напомнил людям, что на февральском совещании передовиков сельского хозяйства буденновцы подписали обязательство вырастить с гектара не меньше чем по 15 центнеров зерновых, а с орошаемых участков — по 32 центнера. «Что написано пером,— сказал он,— того не вырубить топором. Взялись — надо делать...»

— Все ранние культуры,— сообщил Татаринцев,— будут посеяны по зяби. Все сделано для того, чтобы засыпать семена в сеялки на ходу, не теряя ни одной минуты драгоценнейших вешних дней. Пять тракторов Черняновской МТС не простоят в этом году ни одного часа, потому что, не в пример прошлому, обслуживающий персонал выделен и свое дело знает; тракторные будки оборудованы, и трактористы не будут ночевать под ясным небом; укомплектованы библиотечки, выписаны газеты, в будках ставятся радиоприемники.

Одним словом, правление вышло на собрание с целой кучей таких новшеств, что, кажется, и придраться было не к чему. И все же колхозники нашли неполадки, потребовали от правления быстро их устранить и пошли на смелый шаг: обязались посеять ранние зерновые (а площадь их без малого 700 гектаров!) в 6—7 рабочих дней, а поздние — в 4 дня. Буденновцы через районную газету обратились ко всем колхозам района с призывом последовать их примеру.

Никого решительно такой вызов не удивил бы, последуй он от людей колхоза передового. Но раз уж взялись за ум самые отстающие, значит, действительно, порешили сделать этот год для себя переломным.

***

Двадцать тысяч гектаров надо посеять нашему району преимущественно ранними культурами — овсом, травами, подсолнечником, горохом, яровой пшеницей: на эту пшеницу теперь особенно налегают, а раньше о ней в наших местах и понятия не имели!

Двадцать тысяч гектаров — махина не малая, даже при наличии двух мощных МТС: тут действительно дорог каждый час. Известна поговорка: «Сей овес в грязь — будешь князь». А теперь ранней весной, в лучшие сроки будут посеяны зерновые и травы.

В травосеянии взят курс на резкий перелом: полное наличие семян, посев культур точно в полях, предназначенных для них, вплотную приближают наши колхозы к решению гигантской проблемы травопольных севооборотов, которые при наших распаханных землях будут иметь решающее значение для резкого повышения урожайности. А это единственный способ вывести сельское хозяйство Тамбовской области на широкую дорогу успехов.

Разумеется, добрая обработка земли, удобрение ее, прополка, уход за урожаем отнюдь не снимают наших других бед: извечных несчастий от суховеев. Руководителям области пора бы серьезно заняться искусственным орошением; до сих пор из года в год, по сути дела, оно компрометировалось в глазах колхозников. Я уже говорил, что в колхозе имени Буденного с орошаемых участков снимали подчас самые низкие урожаи. И он далеко не один в области. Об орошении у нас, к сожалению, больше говорят. А дело это сложное, без глубоко продуманного технического подхода тут ничего не сделаешь и толка никакого не будет, сколько бы речей ни было произнесено. Текучка кадров в поливных бригадах, слабая выучка людей, неподготовленность бригадиров — все это приводит к печальным результатам...

Правда, и в этом деле как будто намечается перелом: тот же колхоз имени Буденного решил не позже 15 мая провести первый полив орошаемых участков. Теперь слово за теми организациями, которым надлежит ведать этим делом, срочно просмотреть техническое состояние систем и, главное, проверить, знают ли люди свои обязанности, готовы ли они к поливу.

Еще один важнейший вопрос: я говорю о лесопосадках. Многие колхозные лесные полосы числятся лишь в инвентарных книгах, а, по правде говоря, растет на этих полосах сорняк в человеческий рост, и лишь кое-где пробиваются на свет божий чахлые деревца.

В нашем районе по последней инвентарной описи сохранность лесных насаждений определена в 60 с чем-то процентов. Куда делись остальные? Погибли, потому что ухода за ними нет. Лишь там, где к растениям относятся по-человечески, как к «родному дитю» (слова одного из лесоводов-энтузиастов из колхоза «Памяти Куйбышева»), там лесные полосы весело шумят в полях, сбивая с ветров их жгучую, несушающую силу.

На февральском совещании передовиков-колхозников Тамбовской области лесоводы, считающие каждое дерево своим «дитем», внушительно упрекали районных специалистов и председателей колхозов в пренебрежении к посадкам. Кажется, слова их возымели действие, потому что секретарь райкома партии Титова сказала мне, что в районе будет высажено на лесных полосах более трех миллионов деревьев.

Тов. Титова обрадовала меня и еще одним известием: этой весной все колхозы района начнут заниматься овощеводством, — даже те, где этим высокоприбыльным хозяйством никогда не интересовались.

***

Бурно прошумели дожди, и земля теперь до отказа напоена влагой.

Весело горланят во дворах петухи, вышли на волю и купаются в весенних лиманах гуси; барахтаются, наслаждаясь теплом, утки. Скот, почуяв тепло, жадно вдыхает свежий воздух и посматривает на заречье — скоро ли, мол, нас отгонят на луга, на свежую траву...

Но за рекой, за едва обозначившимися берегами ее, еще стоят полые воды, медленно стекая в главное русло и уходя на север. Лес каждый день меняет свою окраску: в темной синеве соснового бора появляются рыжие, красные пятна. Наливаются почки на деревьях, они вот-вот лопнут, и скоро, совсем скоро затрепещет молодая, радующая глаз листва...

Лодки идут через луговые просторы, залитые водой: это переправляют из деревень, приткнувшихся к опушке леса, ребят — учащихся в нашей средней школе... А на прибрежном бугре, где земля давно уже высохла, слышится по воскресным дням немолчный гомон: ребята играют в лапту...

Весна пришла, она мощно расправляет свои крылья, размашисто веет теплом, пробуждает к жизни все заснувшее.

***

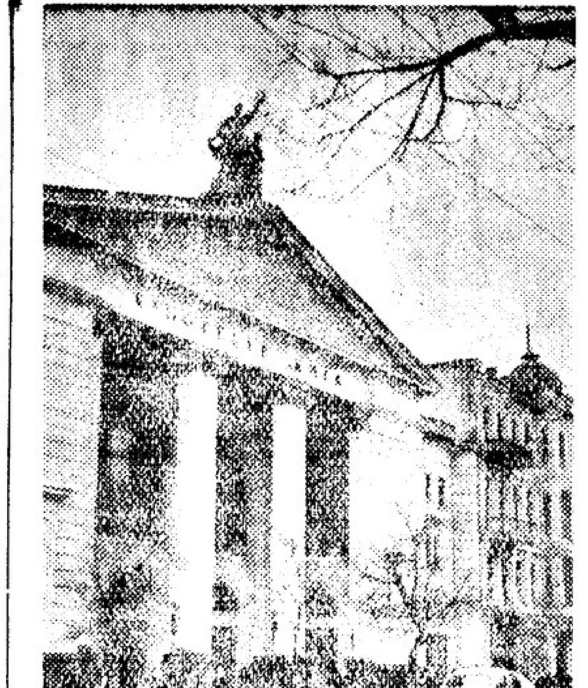
Когда писались эти строки, сев у нас еще не начался. Но вот пришли и эти большие дни: почва, как говорят старики, поспела, исчезают с полей болота талой воды, южный ветер сушит землю. Юг Тамбовщины вступил в страдную пору. Но как раз именно на юге в иных колхозах и МТС первый блин вышел комом. Покой и благодать царят, скажем, в МТС Токаревской или Остроуховской. Тут пока тракторы простаивают. Видите ли, невыгодно пахать, когда почва еще не везде идеально высохла...

Но, к счастью, таких МТС у нас не много. Десятки и сотни колхозов боронуют зябь, чтобы сохранить влагу, и начали сеять. В воскресенье вышли в поле машины Жарикова — бригадира тракторного отряда нашей Черняновской МТС, он обрабатывает поля колхоза «Память Ленина». А сегодня еду я в полдень по полям, уже во всю сеют колхозники этой артели, памятуя, что весною дорог не день, а час.

Фронт весенних работ мощной волной катится с юга на север. К Первомаю посеять ранние культуры — таков боевой лозунг лучших людей нашего села.

с. ГОРЕЛОЕ
Тамбовской области

* См. «Литературную газету» от 21 марта.

В Киеве открыт новый большой кинотеатр, построенный по проекту архитектора В. Чуприны.
Фото Я. ПОВОЛОЦКОГО

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«ПИСЬМО ИЗ БУКАЧАЧИ»

28 февраля в «Литературной газете» было опубликовано письмо диспетчера шахты рудника Букачача Читинской области И. Вторушина. По сигналу тов. Вторушина редакция командировала в Букачачу специального корреспондента; проверка не только подтвердила сообщаемые в письме факты, но и дополнила его рядом других, показывающих неблагополучное положение дел на руднике. Руководители рудоуправления плохо организовали работу в шахтах, проявляют пренебрежение к бытовым и культурным нуждам рабочих, ссылаясь на то, что «тут вам тайга, а не Донбасс»... Выступление газеты было направлено против нелепой «теории» таежной непритязательности, за которой скрывается нежелание и неумение руководителей рудника культурно, по-советски организовать труд и быт шахтеров.

Начальник комбината «Востсибуголь» А. Зайцев пишет нам, что за необеспечение хозяйственно-технического руководства и невнимание к быту рабочих на управляющего рудника тов. Германа наложено строгое административное взыскание, а его заместитель тов. Сухих снят с работы.

Редакция получила также письмо заместителя министра угольной промышленности СССР тов. А. Задемидко, который сообщает об указаниях, сделанных комбинату «Востсибуголь» по улучшению труда на шахтах, улучшению бытовых условий и культурного обслуживания шахтеров Букачачи. В 1953 году там будет построено 1000 квадратных метров жилплощади, здание больницы на 110 коек, магазины, павильоны и киоски.

«В ОБСТАНОВКЕ СЕМЕЙСТВЕННОСТИ»

В статье, опубликованной под таким заголовком в «Литературной газете» от 21 февраля, говорилось о серьезных недостатках в работе Московского библиотечного института имени Молотова.

Партийное бюро института, обсудив статью, признало, что в ней правильно критикуются недостатки в работе института.

Секретарь партбюро тов. Ф. Лиховид сообщил редакции о мерах, принятых в институте для устранения недостатков. Пересмотрен старый и утвержден новый состав совета института. Преподаватели, не обеспечившие высокого уровня преподавания, освобождены от работы. Усилен контроль за качеством лекций.

Поставлен вопрос об укреплении института квалифицированными кадрами преподавателей.

Юрий ОЛЕША

СЕМНАДЦАТЬ ОТКАЗОВ

Когда мы пришли, художник расписывал вазу. Мы непрочь были бы понаблюдать, как это делается, но, к сожалению, он тут же прекратил работу.

— Сейчас,— озабоченно повторял он,— сейчас. Куда бы ее поставить? Может быть, туда? Нет, не годится! Сейчас...

Пока он бросал взгляды в разных направлениях, мы рассматривали его самого. Крутые завитки седины, наседающие один на другой, как бы даже поскрипывающие. Такая седина бывает у людей, сохранивших здоровье до старости. Маленький, сильный, широколапый, с нахмуренными бровями... Нет, это только так кажется, что с нахмуренными! Вот он улыбнулся, и от нахмуренности не осталось и следа.

В какую распись одевает художник вазу, еще трудно было понять — изображение только начало сквозить на ее стройном теле. Колосья? Кажется, колосья!

— Да, да, жатва,— подтвердил художник на ходу,— мотивы жатвы. Вот сюда если поставить, то я думаю... Не смотрите! — вдруг закричал он, увидев, что и мы следуем за ним.— Нет, нет, ни в коем случае! Показывать неоконченную работу? Что вы, что вы! Только в готовом виде.

С юмором он говорит:

— Главное, от вас я и прячу, а вы... Ах, вы не догадались, что от вас? От вас, как видите, от вас! Ну да, вам смешно, а мне с вазой по комнате бегай! Вот здесь пусть и стоит. Да, да, здесь!.. Ну вот, а теперь можно и познакомиться, Андрей Аркадьевич Пупарев, очень приятно!

Мы с удовольствием пожимаем руку старого мастера. Заслуженный деятель искусств, оказывается, выглядит иногда совсем молодым.

— Хорошенькое молодой,— смеется он,— сорок четыре года одного стажу! Да, да, сорок четыре, точно. Я считаю с того момента, когда после окончания образования я поступил в ювелирную мастерскую и... Виноват, вы что-то хотите спросить?

— А какое именно образование?

Его удивляет, как это мы в состоянии задать подобный вопрос. Где ж еще мог получить образование уважающий себя художник-прикладник, как не в Строгановском училище!

— Так вот, работал в ювелирной мастерской и сделал, знаете, брошку. Сорок четыре года тому назад, правильно!

— Как это брошку? — переспрашиваем мы.

— Ну брошку! — говорит он, не понимая, что нас, собственно, удивляет.— Вот вроде этой.

Он вынимает брошку из ларца — и она появляется перед нами неожиданно, как может появиться на подоконнике бабочка.

— Называется филигранная работа.

—Как же это делается?—спрашиваем мы.

— Что именно?

Он думает, что мы спрашиваем о какой-то детали, а нас вообще восхищает умение человека делать филигранную работу.

— Ну что ж,— это, как видите, серебро, ну, а тут, конечно, эмаль.

В руках у него моток серебряной проволоки. Он схватывает каким-то инструментом конец поблескивающей нити и на наших глазах гнет из нее узор.

— Можно было за сорок четыре года научиться,— смеется мастер,— можно было!.. Итак, пришли выслушать рассказ о моих мытарствах? Ну что ж, я готов...

К сожалению, старый мастер прав: мы пришли не поздравить его с наградой, с юбилеем, с трудовой победой — нет, выслушать рассказ о его мытарствах.

— Началось с того, что институт... Да, ведь я не сказал вам, что я педагог, главным образом!

— Мы это знаем, Андрей Аркадьевич.

—Да, да, педагог! Это то, что вот здесь.

Он прикладывает руку к сердцу — она в следах киновари, ультрамарина, золота.

Последним этапом многолетней преподавательской деятельности Андрея Аркадьевича было заведование кафедрой художественной керамики в Московском институте прикладного и декоративного искусства.

Институт перевели в Ленинград. Андрей Аркадьевич остался в Москве, у изголовья своей тяжело больной жены. Пришлось расстаться с институтом, в котором он проработал четырнадцать лет.

Еще более тяжелый удар ожидал его: последовала смерть жены, с которой он прожил в мире и дружбе всю жизнь... Долго не мог он притти в себя. Наконец, опомнился — теперь нужно было подумать о работе. Стал искать места преподавателя все по той же специальности. И в семнадцати местах ему отказали!

— В семнадцати местах?!

— Точно. Считайте все учебные заведения, где преподается мой предмет, так? Ну и еще побывал в нескольких! Под каким предлогом? Под разными. А все это отписки!

И, умолкнув, он перелистывает эти аккуратно хранимые им отписки. Сначала попросту перекидывали из одного ведомства в другое — «по принадлежности», а затем и вовсе...

Управлению по делам архитектуры при Совете Министров РСФСР

...Комитет по делам искусств при Совете Министров РСФСР направляет на Ваше рассмотрение по принадлежности письмо, полученное из «Литературной газеты», об устройстве на работу в г. Москве А. А. Пупарева, бывшего декана одного из факультетов указанного института, имея в виду его престарелый возраст и семейные обстоятельства.

Заместитель Председателя Комитета по делам искусств при Совете Министров РСФСР К. ШИРЯЕВ.

Оттуда — в бывший комитет по делам искусств при Совете Министров СССР...

Управление по делам архитектуры при Совете Министров РСФСР направляет Вам письмо по вопросу о трудоустройстве бывшего декана Московского института прикладного и декоративного искусства тов. Пупарева А. А.

...На основании изложенного, Управление по делам архитектуры при Совете Министров РСФСР просит Вас учесть материальную необеспеченность заслуженного деятеля искусств тов. Пупарева А. А. и предоставить ему работу по специальности в гор. Москве...

Заместитель начальника Управления по делам архитектуры при Совете Министров РСФСР П. БИРЮКОВ

И, наконец, не прошло и месяца, как

...Главное Управление учебных заведений Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР не имеет возможности предоставить в настоящее время педагогическую работу в г. Москве тов. Пупареву А. А...

Начальник Главного управления учебных заведений С. ЛЕБЕДЯНСКИЙ

...— Давайте я лучше вам работы своих учеников покажу,— снова вскакивает, отбросив бумажку, Андрей Аркадьевич.— Когда грустно становится, я всегда к этому средству прибегаю. Любуюсь вот...

Он держит в руках фарфоровую чашку.

— А впрочем, чему я удивляюсь? Знаменитый русский фарфор! Верно? Хоть и новый, хоть и сегодняшний, но все тот же знаменитый русский фарфор!

Тут же он горестно добавляет:

— Вот только сам профессор не у дел! И стаж не помог, и звания, и молодость, как вы говорите... «Не имеют возможности» — и кончено!

Он вдруг ударяет кулаком по ладони другой руки и восклицает:

— Не может этого быть, чтобы в нашей стране человека, который умеет и в состоянии работать... чтобы этого человека оставили от работы!

И мы считаем, что этого не может быть!

***

И этого не случилось. В недавнее время А. А. Пупарев получил работу — правда, не по специальности, не близкую его сердцу должность преподавателя. Кроме того, хочется отметить, что и эту работу заслуженный мастер получил без вмешательства товарищей, фамилии которых мы указали.

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

МИЧУРИНСКИЙ КРАЙ

Есть книги, которые, при всей их художественной скромности, чем-то останавливают на себе внимание читателя, располагают к автору. Это бывает и тогда, когда в авторе, особенно начинающем, подкупает верность и любовь к теме, ему близкой, выношенной. Он может писать и не очень ярко и порой еще неумело, но уже одно то, что он честно и как-то внутренне очень серьезно относится к труду писателя, повторяю, подкупает читателя, позволяет надеяться на такого автора, ждать от него успехов в будущем. Такое впечатление оставляет и рецензируемая книжка.

«Ум человеческий открыл много диковинного в природе и откроет еще больше, увеличивая тем свою власть над ней...» Эти замечательные ленинские слова поставлены молодым поэтом **Сергеем Северцевым** эпиграфом к первой его книге стихов **«Мичуринский край»**, вышедшей в конце прошлого года в Тамбове — на родине великого русского преобразователя природы.

Половину книги занимает поэма «Зрелость», посвященная Мичурину. В ней есть неплохие строфы, удачные куски, например, тот, где показана встреча Ивана Владимировича с пионерами.

Есть в поэме хороший пафос творческого преодоления трудностей.

К сожалению, поэма композиционно рыхла и длинновата. Зрелым ученым и победителем природы Мичурин предстает уже в первой главе «Сад чудес». Главы «Зрелость» и «Победитель» ничего нового к его образу не добавляют. Очень мало и как-то слишком добродушно сказано о противниках Мичурина:

И вот уже присмирели,
Мешая лимон в стакане,
Скептические,
Почтенные
Недруги прежних лет.

Так ли уж они присмирели и только ли лимон в стакане мешают? Разве не они пытались активно помешать развитию нашей передовой агробиологии? Лишь на мгновение появляется «в пестреньком, бедном платье» жена Мичурина, которая была много лет его верным другом и помощником. И напрасно вся поэма выдержана в одном и том же монотонном, убаюкивающем читателя ритме. Мне думается, что, вдохновившись образом новатора науки, поэту следовало бы и в своей работе быть посмелее.

Ученикам Мичурина, неутомимым продолжателям его дела, посвящены стихи: «Садовод», «Комсомольская бригада», «Степаныч», «Продолжатели». Это стихотворные очерки о живых, конкретных людях, названных по именам и фамилиям. Такие стихи с конкретным прототипом лучше удаются молодому поэту. Чувствуется, что поэт приложил немало стараний, чтоб мы увидели «во плоти» и похожего на старого запорожца Черненко, и «плечистого, багрового от зноя», энергичного Бахарева, и смуглую комсомолку Зину, и сурового, седого Степаныча, с гордостью глядящего на плоды своих многолетних трудов:

Будто солнечных бабочек хлопья,
Лепестков мириады блестят,
И придирчиво, чуть исподлобья
Он глядит на сияющий сад...

Свищет птица за теплой листвою,
Ветку яблони держит рука,
И над строгой, седой головою,
Будто годы — плывут облака.

Остальные стихи книги «Мичуринский край» выглядят, как этюды к поэме. Среди них есть и любовно-лирические («Когда яблони цветут», «Послесловие»), и публицистическо-лирические («Труд садовода»,— посвященное И. В. Сталину, «Весна идет»— о войне в Корее, «Я так скажу», «Две карты»).

Стихам молодого поэта вредят риторичность, рассудочность, описательность.

Но при всех отмеченных недостатках книга Северцева заслуживает внимания читателя.

Наша поэзия до сих пор в долгу не только перед «вишнями Японии», о которых не успел написать Маяковский, но и перед тем, что гораздо ближе, по соседству с нами,— перед русской мичуринской яблонькой, перед пафосом преобразования родной природы.

Книга молодого поэта, изданная в Тамбове,— благодарная попытка оплатить этот долг.

П. ЖЕЛЕЗНОВ

ОБРАЗЫ НЕДАВНЕГО ПРОШЛОГО

Если вы хотите перенестись на улицы Баку конца прошлого столетия, представить себе картины нефтяной «лихорадки», увидеть кипение острых классовых противоречий, пробуждение организованной борьбы рабочего класса,— раскройте книгу **«Избранное» А. Ширванзаде** (Гослитиздат. Москва. 1952. 790 стр.).

Уроженец маленького полупатриархального городка Шемахи, Ширванзаде юношей попал в Баку. Здесь он стал писателем. Герои Ширванзаде — это армянские ремесленники, рабочие, а также представители армянской буржуазии — толстосумы, не знающие жалости к людям труда.

А. Ширванзаде, который умер в 1935 году семидесяти семи лет от роду, застал свой народ на том этапе его исторического развития, когда феодальное прошлое еще цепко держало людей в своих путах. Дикость и нелепости быта и всего уклада тогдашней жизни составили предмет критики во многих реалистических произведениях Ширванзаде, рисующих жизнь в маленьких городках вроде Шемахи. Любящие друг друга юноша и девушка не могут соединиться из-за неверных понятий о чести («Намус», «Фатьма и Асад» и др.), больная падучей девушка подвергается унижению («Злой дух»), талантливый юноша из-за нищеты не может заняться артистической деятельностью («Артист»). Писатель рассказывает эти истории из недавнего прошлого в несколько мелодраматических тонах, но с той силой реализма, которая определяется большой любовью и сочувствием к родному народу, глубоким знанием всей его жизни.

В письме к Демьяну Бедному в 1924 году И. В. Сталин писал, что Баку с его «лесом нефтяных вышек» может дать богатейший материал для художника. А. Ширванзаде был одним из тех писателей, которые еще в конце прошлого века сумели по достоинству оценить богатейший материал бакинской жизни. Армянский писатель в своем романе «Хаос» нарисовал целую галерею образов нефтяных воротил (таких, как Маркос-ага Алимян), искателей наживы, адвокатов, кутил, промышленников, желающих завести у себя на промыслах порядки, «как в Европе».

Ширванзаде живо и красочно рисует картины капиталистического торжища в Баку, противоречия растущего промышленного города. Он ярко, подчас сатирически зло критикует бакинскую буржуазию и капиталистические порядки, показывает первые столкновения рабочих с капиталом. Но слабость реализма Ширванзаде заключается в том, что писатель еще не видит выхода, он идеалистически смотрит на пути нравственного перевоспитания «блудных детей» буржуазии (как называл их Горький).

Горьковское влияние сильно чувствуется у Ширванзаде, но армянскому писателю не хватает знания и понимания рабочего класса, как той исторической силы, которая призвана революционно обновить мир. А ведь в описываемое им время в Баку образуются первые социал-демократические кружки. Позже товарищ Сталин направляет сюда Ладо Кецховели с ответственным поручением — укрепить организационно социал-демократические кружки в Баку.

«Избранное» Александра Ширванзаде читается с интересом. Переводчик Я. Хачатрянц создал хороший русский перевод, показав гибкое обращение с языком и стилем. Это труд настоящего художника. Поэтому вызывает удивление, что фамилия переводчика дана в книге... только в списке опечаток. Трудно было избрать другой способ, чтобы подчеркнуть неуважение к труду переводчика.

К. ЗЕЛИНСКИЙ

СКВОЗЬ ТУМАННОЕ СТЕКЛО

Говоря о тематике книг для детей, А. М. Горький неоднократно подчеркивал необходимость создания произведений на политические темы. В статье, которая так и называется «О темах», он, например, указывал: «Нужно, чтобы они (дети.— **Вл. Н.**) уже с шести-семи лет... вникали в смысл социальных явлений...» И, действительно, внимание наших ребят привлекают подчас самые сложные социальные события. Силясь разобраться в них, уяснить их смысл, юные читатели, естественно, обращаются к литературе.

Читая детскую книгу, принадлежащую перу талантливого, опытного мастера, окружающий мир видишь как бы через увеличительное стекло: все передано очень ясно, крупно, осязаемо и точно. Такая книга вооружает реалистическим видением мира. Читатель отчетливо видит очертания знакомых и незнакомых предметов, поражается тому, что о них так много можно рассказать интересного, нового. Такая книга не только помогает узнавать мир, она как бы заново открывает его, а открытие всегда полно радости.

Но бывают книги, в которых мысли сформулированы недостаточно четко, очертания предметов расплывчаты, происходящие события видны как бы сквозь туманное стекло. К таким книгам относится сборник стихов белорусской поэтессы **Эди Огнецвет «Мы желаем мира на земле»** (Детгиз. 1952 г. 48 стр.).

Когда читаешь стихотворения Эди Огнецвет подряд, то создается впечатление, что автор только наметил важные, общественно значимые темы, но не смог раскрыть их.

В стихотворении «Горят костры походные» автор восклицает: «У нас — земля счастливая, у нас — счастливый край!» Пытаясь конкретизировать свою мысль, поэтесса просто перечисляет все то, что видит вокруг. А видит она, оказывается, очень немного: «березы белые, могучие дубы... черника спелая, орехи и грибы. И верески медовые, и речка, и лужок, и поле за дубровою. И все это — твое, дружок!». Напрасно будет юный читатель искать в стихотворении подлинные приметы нашего времени — их нет, автор не увидел, не сумел показать их. Как это и некоторые другие стихотворения связаны с большой политической темой, давшей название сборнику, известно лишь автору да, может быть, редактору книги А. Кравченко.

В стихотворении «Слово гордое — рабочий» автор восторгается мастером минского автозавода Тихоном Жигаревым: «Статный, русый, синеглазый, он понравился нам сразу. Только дело не в глазах, не в походке, не в плечах». Правильно, дело не в этом. Если Жигарев известный мастер, то стало быть, он прославился своей работой. Читатель ждет, что поэтесса, описывающая экскурсию пионеров на автозавод, расскажет о работе мастера, что своим рассказом она пробудит в сердце юного читателя стремление стать хорошим советским рабочим. Но о заводе, о том, как работают советские люди, автор пишет без знания дела, легковесно:

Дядя Тихон
Быстрый, ловкий,
Словно в море капитан.
Словно в шторм моряк отважный,
Здесь на вахте он стоит
И за мелочью за каждой
Взглядом пристальным следит,
Чтоб ритмично,
Так, как надо,
Вся работала бригада.

Что же все-таки делает прославленный бригадир? Оказывается, он стоит и «взглядом пристальным следит». И только. В длинном стихотворении, состоящем сплошь из подобных описаний, нет живого героя. Хотя герой и назван по имени, его образ расплывчат, неуловим.

Поверхностное знание жизни, отсутствие подлинно поэтической взволнованности характерны и для других произведений, помещенных в сборнике. Только некоторые строки в отдельных стихах свидетельствуют о стремлении конкретизировать, творчески осмыслить материал.

Говоря о невысоком уровне стихов Эди Огнецвет, нельзя не упомянуть о том, что и переводчики, и редактор отнеслись к своей работе небрежно. При большей требовательности и добросовестности в сборнике не было бы таких строк, как: «Давай-ка сметем всю грязь на нет!» (перевод Н. Ушакова); «И «яблочком» задорным рассыпался каблук» (перевод Е. Благининой); «Как весной — в листву калина... одевается машина — мощный минский самосвал — в наш испытанный металл» (перевод А. Кленова). Последний переводчик представлен наиболее полно в сборнике — им переведены и цитированные нами строки из стихотворения «Слово гордое—рабочий».

Вл. НИКОЛАЕВ

БЕЛИНСКИЙ И ГОГОЛЬ

«...Познакомить читателя с важнейшими моментами идейного сближения Белинского и Гоголя, с основными этапами борьбы Белинского за Гоголя»,— так определяет **Е. Серебровская** задачу своей книги **«Белинский и Гоголь (К истории борьбы за реализм)»**, вышедшей в прошлом году в Лениздате.

Как известно, в статье «Еще один поход на демократию» В. И. Ленин, говоря о подъеме народного движения 1905 года, поставил имена Белинского и Гоголя рядом. Ленин указывал, что демократическая литература была сплошь пропитана идеями Белинского и Гоголя, теми идеями, которые делали этих писателей дорогими Некрасову, как и всякому порядочному человеку на Руси.

На большом и свежем материале автор книги показывает, что Белинский энергично и последовательно боролся за Гоголя, чутко и заботливо относился к его необыкновенному дарованию, страстно защищал его от реакционных врагов, прикидывавшихся «друзьями».

Еще в первой статье «Литературные мечтания» критик восторженно отзывался о ранних повестях Гоголя, находя в них много «остроумия, веселости, поэзии и народности». Неизгладимое впечатление произвела на Гоголя программная статья Белинского «О русской повести и повестях г. Гоголя» (1835), утверждавшая за ним первое место в русской прозе. Гоголь, вспоминает П. Анненков, «был доволен статьей, и более чем доволен, он был осчастливлен статьей». Именно в это время Гоголь пережил в своем творческом развитии поворот к сатире, к резкому и беспощадному обличению. «Я увидел, — писал он впоследствии, — что в сочинениях моих смеюсь даром, напрасно, сам не знаю зачем. Если смеяться, так уж лучше смеяться сильно и над тем, что действительно достойно осмеяния всеобщего».

Неутомимо защищая Гоголя от его врагов, пламенный революционер-патриот одновременно не прощал ему идейных срывов и падений. Белинский безоговорочно осудил позорную книгу Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». В своем знаменитом «Письме к Гоголю» он высказал ее автору всю неумолимую и жестокую правду и, выражая настроения и чаяния угнетенного народа, заклеймил оголтелых крепостников, юродствующих славянофилов, всех тех, кто душил гений Гоголя.

Интересны страницы, где Е. Серебровская говорит о том, как отнесся сам Гоголь к письму Белинского. Потрясенный гневной отповедью великого критика, Гоголь начинает раскаиваться в том, что выпустил «Выбранные места». «...Я должен вам признаться, — писал он, — что доныне горю от стыда, вспоминая, как заносчиво выразился во многих местах, почти à la Хлестаков». В последние годы своей жизни Гоголь

„АДМИРАЛ УШАКОВ“

Содержание фильма «Адмирал Ушаков», который сегодня вышел на экран, может быть выражено одной фразой — ее произносит голос диктора в самом конце фильма о великом русском адмирале: «Он положил Черное море к ногам России».

О подвигах, ратной славе и героическом труде замечательного русского флотоводца, о его жизни и творчестве рассказывает фильм, посвященный славным страницам истории нашей страны. Сценарий фильма написал А. Штейн, поставил его М. Ромм.

В конце XVIII века, когда Россия только утвердилась на берегах Черного моря, скромный капитан, командир яхты императрицы Екатерины Второй, оставил Петербург и приехал в Херсон, чтобы создать русский флот на Черном море, где безраздельно господствовали турки. Перед нами проходят примерно десять лет жизни Ушакова, полной труда и борьбы,— от закладки первых кораблей в Херсоне до битвы при Калиакрии, когда молодой русский флот полностью разгромил турецкий, несмотря на то, что туркам помогали английские консультанты, их всячески поддерживали Англия и Франция, стараясь помешать росту русского черноморского флота. Ушаков был не только строителем этого флота, но и создателем новой тактики и стратегии морских сражений, далеко опередившим современную ему военно-морскую науку; Ушаков на море, подобно Суворову на суше, не знал поражений.

В центре фильма — Ушаков, его жизнь, его воля и энергия, его направляющая рука в боях и труде. Но не он один герой фильма. Язык экрана звучит иногда, как былина, иногда, как поэма, и ведет повествование о мощи, таланте и доблести русских людей, патриотов, победоносных даже под деспотическим гнетом императорского самодержавия, не знающих страха в борьбе за честь и независимость Родины.

Хотя действие фильма отстоит от нас без малого почти на два века, тем не менее нас глубоко волнует «земли родной минувшая судьба», а лучших людей прошлого, отдавших жизнь за славу ее, советские люди почитают современниками.

А Ушаков был из числа тех, кто опередил свой век, кто провидел будущее своей Родины. И не напрасно Потемкин говорит Ушакову: «Славный ты офицер, Федор Федорович, но вот беда: не нашего века человек, и жить тебе будет трудно,— не к масти козырь!»

Драматург и артист И. Переверзев показали в образе Ушакова, как даже в эпоху деспотизма и насилия талант, мужество, непоколебимая воля, доброта, веселость и бесстрашие, любовь к народу поднимают человека на огромную нравственную высоту, делают его народным героем.

Ушаков Переверзева прост и спокоен. Но спокойствие Ушакова, как плотина, сдерживающая напряжение сил его души: она не скрывает от зрителей бурь и гроз, какие зреют в его сердце.

Актеру удалось даже в самых сложных и ответственных моментах роли бережно донести глубокую человечность своего героя. Вот Ушаков хочет отблагодарить матросов за их доблесть после битвы при Калиакрии: «Спасибо, братцы-матросы...» Что-то прерывает его речь, с губ срывается: «Воды!» Ему подают воду в бочонке. Ушаков пьет... Вода льется по подбородку, стекает ниже, мокнет рубашка на груди... И такая обыденная вещь — человек пьет воду — вдруг приобретает глубокий смысл: моряк, а не барин, как говорит о себе Ушаков, утоляет жажду из того же бочонка, что и матросы. Они все вокруг, его боевые соратники и близкие друзья.

«Великое вам спасибо! За труд ваш, за доблесть!»—горячо говорит Ушаков и в пояс кланяется матросам. А вслед за ним и нам, зрителям, хочется поблагодарить актеров, так человечно и вдохновенно показавших русских моряков прошлого.

Спартански строго и душевно стройно держится В. Дружников в роли офицера Васильева, спутника и друга Ушакова. Уважение и любовь к своим героям, даже если они безмолвны, чувствуются в игре исполнителей самых небольших ролей. В кино много значит острая выразительность движения, даже безмолвного; но правда этого движения в любых жизненных условиях невозможна, если актер внутренне пуст.

Серафима БИРМАН

Михаил Ромм, режиссер фильма, сделал все для того, чтобы даже «действия» таких «актеров», как море, огонь, облака, паруса на кораблях, служили проявлению чувств человеческих. Режиссер умеет направить актера в верную сторону, наладить взаимосвязь, взаимообусловленность всех действующих лиц между собой и природой.

В актерской игре фильма величественное и торжественное выражаются через простое, огромное — через малое. Вот, например, эпизод пожара верфей в Херсоне. Сюда только что прибыли войска под командой Ушакова. Но, изнуренные чумой, уходят рабочие с верфи. Один из них, бывший крепостной Ушакова, видит в нем своего врага. И вдруг раздается крик: «Верфи горят!» Ушаков дает команду матросам: «На верфи, бегом марш!» Бегут матросы. Бежит Ушаков. И вот к серой массе одинаково одетых людей примкнул человек в холщевой рубахе. Это общий порыв, общее движение подхватило и понесло беглого крепостного Тихона Прокофьева, сторонника Емельяна Пугачева.

Тихона Прокофьева играет С. Бондарчук, играет правдиво, сильно. В отношениях его героя и Ушакова раскрывается не только могучий характер русского крестьянина, познавшего в пугачевском войске, что такое борьба за свободу, но и демократичность, близость к народу прославленного флотоводца. И хорошо то, что в сценах Ушакова и Тихона, и прежде всего в эпизоде, где адмирал узнает о прошлом беглого «бунтаря», нисколько не нарушается правда истории, нет никакой модернизации облика Ушакова.

В фильме много массовых сцен. В них действует народ — матросы, строители кораблей. Но народ в картине — не безликая толпа, а активная сила, индивидуально очерченные личности. Вот почему нам запоминаются не только такие, например, эпизодические лица, как весельчак, бравый балагур и отважный воин Пирожков (М. Пуговкин), но и безмолвный матрос — часовой Ховрин. Этот эпизод по силе эмоционального воздействия — один из лучших в фильме. Граф Мордовцев в присутствии часового говорит Ушакову: «Матроса следует почитать только предметом для исполнения команд! Матрос нем!». В ответ на эти слова командующего Ушаков обнимает и целует матроса. Ни слова не произносит часовой Ховрин, и только слезы в его глазах — это преданность и любовь к своему командиру и оскорбленное человеческое достоинство. Хорошо сыграл эту роль Н. Хрящиков!

Так кадр за кадром народ предстает перед нами, как главный герой фильма, и Ушаков неотделим от народа.

Одна из самых больших удач фильма — светлейший князь, фельдмаршал Потемкин в исполнении Б. Ливанова. Это блистательная и виртуозная актерская работа. «Светлейший» Б. Ливанова — причудливое сочетание самых разнородных качеств. Только в истинно живом образе возможно сосуществование таких противоречий, только настоящий артист может согласовать и поселить в одной человеческой душе и тщеславие, и деспотизм, и предельное небрежение к людям, и внезапную к ним нежность, и так не идущую, казалось бы, царедворцу простоту. Отношения Потемкина к Ушакову именно так многосложны, интересны, многогранны! Потемкин питает к Ушакову и зависть, и ревность, и невольное уважение.

Превосходна сцена потемкинской «хандры». Светлейший томится, мается, капризничает, то как ребенок, то как беспримерный самодур. Но вот — курьер. Реляция о победе над турками в руках Потемкина. Он разорвал конверт, жадно вперил единственный глаз в бумагу, читает... Он склоняет свою голову перед талантом Ушакова, хотя и бешено ревнует к славе, хотя и завидует его талантам.

Нельзя слишком долго быть ярким на сцене, устает глаз, когда долго смотришь на яркое, но все же, когда кончается роль Потемкина в фильме, кажется, будто гаснет красивый, всеми огнями сверкающий фейерверк. Впрочем, игра Ливанова — не фейерверк. Она озарена лучами обретенной артистом творческой правды.

Потемкин — лишь один из тех, кто окружает Ушакова. Другие — страшнее. Они мешают адмиралу, ставят палки в колеса, подличают, доносят. Хорошо, с неподдельной комедийностью играет П. Чистяков графа Войновича, ничтожного, трусливого, богобоязненного старичка, поставленного на пост командующего. Войнович чем-то напоминает чеховского «Хамелеона». У него необыкновенно быстро сменяются противоречивые чувства, в зависимости от успеха или неуспеха Ушакова. А как хорош Чистяков — Войнович, когда он дает Ушакову уроки «политеса». Рыхлый, сдобный, ленивый и хитрый. Одно иногда кажется, что актер слишком добр к своему герою.

Лишь в двух эпизодах появляется в фильме императрица Екатерина. И приходится сказать—роль эта, к сожалению, не удалась О. Жизневой. Злой, глухой к сердцу народа была Екатерина, но деспотизм, ощущение власти, честолюбие — неотъемлемые ее черты. В фильме же она мелка, жеманно-равнодушна даже в тот момент, когда перед ней предстал черноморский флот, созданный для защиты ее престола. Актриса не поняла характера и исторической роли своей героини.

Зарубежные враги России, зорко и озлобленно следившие за успехами Ушакова, по вине как режиссера, так и автора сценария, не уделивших их образам достаточного внимания, не удались и актерам.

Поэтому совсем выпадает из внимания зрителей, например, эпизод во дворце Вильяма Питта (Н. Волков). Диалог между премьером Великобритании и Робертом Энсли, послом Англии в Стамбуле (Л. Фенин), ведется громкими голосами, но текст диалога не слышен, потому что актерами не вскрыт подтекст. И кажется, что актерам не ясны истинные причины и цели, которыми порождены слова, полные враждебности к России, к Ушакову.

Что касается сцен в турецком стане — и на кораблях и во дворце шаха, то они, в отличие от реалистического стиля всего фильма, «оперны», откровенно олеографичны.

Режиссер фильма, операторы А. Шеленков и Чен Ю-Лан, художники А. Пархоменко, Л. Шенгелия, А. Вайсфельд создали впечатляющие картины морских сражений. Великолепные по цвету и композиции, они дают живое и наглядное представление о баталиях, позволяют представить себе, в чем секрет флотоводческого искусства Ушакова. Батальные сцены, занимающие множество кадров, составляют большое достоинство фильма. Следует лишь упрекнуть авторов в некотором однообразии, повторяемости батальных эпизодов да иногда в чрезмерной пышности, нарядности кадров. Нарядность в каждом кадре становится утомительной и перестает радовать не только сердце, но и глаз.

Заключительный кадр фильма — море... Морские просторы... Те же, что были так пустынны в начале фильма. Но теперь у самого края воды стоит Ушаков... Он тих и задумчив, как тихо и задумчиво покоренное им море. Правда природы и правда искусства — разве не союзницы они?

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

ЗАЩИТА ДИПЛОМНЫХ РАБОТ

В Литературном институте имени А. М. Горького — большие дни. Началась защита дипломных работ, которая привлекла живое внимание самой широкой писательской общественности. Здесь собрались прозаики, поэты, драматурги, критики. В составе государственной экзаменационной комиссии — видные писатели. Они выступают с разбором дипломных работ и в качестве рецензентов. А дипломные работы студентов — их рассказы, повести, пьесы, стихи.

Это шестнадцатый по счету выпуск института, в котором обучаются студенты тридцати восьми национальностей.

Из стен этого единственного в мире литературного вуза, созданного Союзом советских писателей СССР, вышло около 400 поэтов, прозаиков, драматургов, критиков, переводчиков, редакторов. Имена многих из них широко известны не только в нашей стране, но и за ее пределами. И в том факте, что и председатель государственной экзаменационной комиссии В. Ажаев, и его заместитель М. Луконин, и руководитель семинара поэзии Е. Долматовский еще не так давно сами были на месте тех, чьи дипломные работы они сегодня принимают, сказывается непрерывный рост нашей советской литературы.

В первый день, 20 апреля, экзаменационная комиссия обсудила творчество шести дипломантов. Прозаик И. Завалий (Черниговская обл.) представил в качестве дипломной работы несколько рассказов и главы из повести, поэты И. Ганабин (Владимирская обл.), А. Меркулов (г. Владимир) и А. Николаев (Москва) — сборники стихов, корейский драматург Се Ман Ир — пьесу «Перед боем» и сборник стихов «Моя Корея», драматург И. Мусиенко (Москва) — пьесу «Твой единственный».

С разбором и оценкой произведений выпускников выступили С. Антонов, Н. Доризо, В. Журавлев, Н. Замошкин, Е. Златова, А. Крон, С. Михалков, С. Наровчатов, С. Щипачев.

Заместитель генерального секретаря ССП СССР А. Сурков, разбирая произведения поэтов-дипломантов, говорил о высоких идейных и творческих задачах, которые должен ставить перед собой писатель, о суровой требовательности к себе, об ответственности перед читателем. И его выступление прозвучало как бы напутствием молодым литераторам, выходящим из института в жизнь.

Следующая защита дипломных работ состоится в понедельник, 27 апреля. В этом году институт оканчивают 32 студента.

В СОЮЗЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

★ **75-летие со дня рождения Садреддина Айни,** основоположника советской таджикской литературы, исполняется 27 апреля. В связи с предстоящим юбилеем из Москвы в Сталинабад выезжает делегация Союза советских писателей.

★ **Книга поэм П. Неруды «Всеобщая песнь»** — книга о любви к родине, своему народу, о борьбе простых людей Латинской Америки за свободу и счастье. Обсуждению перевода этого произведения на русский язык было посвящено заседание секции переводчиков зарубежных литератур ССП СССР. Ф. Кельин рассказал о работе советских поэтов над переводом, подчеркнув, что непосредственное участие в этом труде принимал П. Неруда во время своих приездов в Советский Союз. Затем С. Кирсанов, М. Зенкевич, И. Тынянова, О. Савич, Ф. Кельин, Е. Благинина и В. Журавлев прочитали отрывки из поэм в своих переводах.

★ **Семинар молодых писателей Карело-Финской ССР** проведет в мае республиканский Союз писателей. Группа литераторов Москвы и Ленинграда выедет в Петрозаводск, чтобы принять участие в его работе, а также в обсуждении республиканского литературно-художественного журнала «На рубеже».

ДВЕ МОНОГРАФИИ

Критическая монография о драматурге — большая трибуна для критика. Тут есть где развернуться творческой мысли. От такой монографии ждешь и полноты анализа, и интересных эстетических наблюдений, и глубоких обобщений, обогащающих теорию советской драмы. Книга М. Пархоменко «Александр Корнейчук», вышедшая в издательстве «Советский писатель», к сожалению, этих ожиданий не оправдывает; ее автор понял свою задачу довольно ограниченно: систематизировать ранее сказанное критикой о драматурге Корнейчуке. Но такая систематизация хороша, когда она служит отправной точкой движения вперед; понятая же как повторение пройденного, она становится бесплодной.

В книге М. Пархоменко нет недостатка в очень категорических словах о значении конфликта вообще и о конфликтах в пьесах Корнейчука в частности. Но в методе анализа пьес критик непоследователен, и рядом с верными определениями и замечаниями о конфликте у него соседствуют другие, если и не отрицающие конфликт открыто, то фактически умаляющие его роль в драматургии. Разбирая пьесы А. Корнейчука, М. Пархоменко, как правило, подчеркивает не остроту положенных в их основу конфликтов, а то, что конфликты-то эти не такие уж острые.

М. Пархоменко специально оговаривает, например, что заблуждения героев комедий Корнейчука носят «частный, временный характер», что Кругляк из «Макара Дубравы» является «временным противником новаторов и новаторства», что «противостоящие друг другу силы» в комедии «В степях Украины» «не враждебны». Автор старается заранее обелить тех, с кем воюют положительные герои Корнейчука, предупреждая, что они всего лишь носители частных и временных ошибок. Из того факта, что Чеснок и Галушка, Макар Дубрава и Павел Кругляк не противостоят друг другу в антагонистическом конфликте, М. Пархоменко делает неверный вывод об ослаблении борьбы между ними. А между тем у самого-то Корнейчука как раз показано, что идеи и общественные явления, олицетворяемые этими героями, глубоко враждебны друг другу и между их носителями неизбежна жестокая, непримиримая борьба. Безопасными Галушка, Кругляк и им подобные станут только тогда, когда они будут сбиты с ложных позиций, станут другими. Но если борьба против них будет нерешительной, снисходительной, если их заранее будут всепрощающе обелять, как это делает критик, заблуждения их будут приобретать все более опасный характер...

Под влиянием все той же «теории» бесконфликтности М. Пархоменко отказывает в типичности отрицательным героям, выведенным Корнейчуком, всячески затушевывает силу и распространенность заключенного в них зла.

«Бочкарева,— пишет Пархоменко,— выступает как явное исключение в нашей действительности. В драматургии Александра Корнейчука она — родоначальница целой галереи комедийно-сатирических образов. Обычно эти образы драматург выводит для того, чтобы по контрасту еще более выпукло выступали лучшие черты положительных характеров и типов».

Не ясно ли, что подобной трактовкой образа критик создает неверное, искаженное представление о драматургии Корнейчука, принижает ее боевую критическую силу. Ведь по М. Пархоменко выходит, что А. Корнейчук воюет не против реального зла, имеющегося в жизни, а против каких-то редкостных ископаемых, создает в своих пьесах не обобщенные типические образы, а выводит уникальные фигуры — и то больше не для разоблачения их, а «для контраста».

Но, может быть, критик просто оговорился, неточно выразил свою мысль? Нет, он и в других случаях настаивает на том, что отрицательные герои — это «исключение».

Вот что он пишет, например, об отрицательных чертах Аркадия из того же «Платона Кречета»: «Они выступают как уродливое и становящееся исключительным, чему и противостоит в пьесе прекрасное и вместе с тем типическое». Эту же мысль М. Пархоменко повторяет и в главе, посвященной «Калиновой роще».

Таким образом, типическим М. Пархоменко считает только прекрасное, а все уродливое, отрицательное он произвольно объявляет исключением. Из этих неверных положений, служивших сторонникам бесконфликтности «теоретической основой» лакировки действительности, ухода от правды жизни, критик делает вывод о том, что в современной комедии меняется соотношение юмора и сатиры, и уже не сатира, а юмор выступает как «основной тон» освещения «отдельных недостатков повседневной жизни».

Книга М. Пархоменко вышла в свет уже после опубликования «Правдой» редакционной статьи «Преодолеть отставание драматургии». Однако и автор, и редактор книги, и ее издатели не сделали из статьи нужных выводов. В книге так и осталось кричащее противоречие между признанием роли и значения конфликта и теми зигзагами в сторону ложной «теории» бесконфликтности, о которых мы писали выше.

Есть в книге М. Пархоменко и другие серьезные недостатки.

Автор не поставил в центр внимания вопросы мастерства, не обобщил художественного опыта талантливого драматурга. Все, что есть в книге положительного, верного,— а было бы несправедливым не отметить, что в ней немало страниц и глав, правильно оценивающих произведения Корнейчука,— в основном связано с разбором содержания анализируемых пьес. Там же, где заходит речь о художественных особенностях этих пьес, М. Пархоменко начинает изъясняться скороговоркой, отделываясь в большинстве случаев лишь самыми общими формулировками и определениями, настолько общими, что в их потоке исчезает индивидуальный облик драматурга — художника очень своеобразного и яркого, со своим ясно выраженным творческим почерком.

Книга Е. Горбуновой «Драматургия А. Корнейчука» выгодно отличается от книги М. Пархоменко бо́льшей полнотой и бо́льшим анализом произведений драматурга. Не ограничиваясь рассмотрением явлений «внутрилитературного ряда», Е. Горбунова в лучших главах своей книги привлекает при разборе пьес А. Корнейчука широкий жизненный материал, и у читателя возникает достаточно ясное и цельное представление о том, что же породило замысел драматурга и определило формы его художественного воплощения. В главе о «Платоне Кречете», одной из лучших в книге, Е. Горбунова на широком историческом материале показывает, как формировалась и росла новая советская интеллигенция, выдвинувшая из своей среды передовых деятелей типа Платона Кречета, как пути развития интеллигенции отражались советской литературой; на этом фоне создание «Платона Кречета» выглядит закономерным порождением советской жизни и отражающей ее литературы.

Достоинством Е. Горбуновой является и то, что на анализе пьес А. Корнейчука, поднимаясь от разбора их конкретных особенностей к теоретическим обобщениям, она стремится поставить и решить некоторые важные проблемы истории советской драматургии и теории драмы.

В главе о «Богдане Хмельницком» Е. Горбунова делает интересные попытки разобраться в том, какие требования предъявляет эстетика социалистического реализма к исторической драме. Она убедительно показывает, как А. Корнейчук, следуя указаниям партии, боролся за правду в изображении прошлого, в трактовке личности Богдана Хмельницкого, идя наперекор устоявшимся в исторической науке заблуждениям и ошибкам.

Интересны страницы книги, посвященные пьесе «Фронт». Содержательный анализ жизненных фактов и обстоятельств, обусловивших остроту борьбы против горловщины, с органической логичностью переходит в разбор «системы образов» пьесы. Е. Горбунова характеризует многообразие художественных средств, которыми Корнейчук решает огромной важности задачу, лежащую в основе идейного замысла пьесы. Она указывает, в частности, что, изображая горловщину, драматург прибегает к сгущению красок, недостатки людей из окружения Горлова «сатирически заострены, полемически подчеркнуты», но «заострение недостатков, граничащее порой с гротеском, не воспринимается в пьесе, как антиреалистический прием»,— являясь одним из средств художественного познания уродливых сторон действительности, оно помогает изобличению горловщины.

Но книга Е. Горбуновой неравноценна во всех своих частях. Чувство неудовлетворенности оставляет «Введение» — содержащиеся в нем общие соображения ничем не обогащают книгу, не помогают глубоко понять и ощутить значение и характер творчества Корнейчука; скороговоркой заменен анализ послевоенных произведений Корнейчука; верные оценки и тонкие наблюдения соседствуют с рецензентской поверхностностью в разборе языка, композиции пьес. Есть в работе и другие недостатки, в частности в анализе художественных особенностей произведений А. Корнейчука.

В критических статьях, посвященных «Гибели эскадры», не раз писалось об этой пьесе, как об удачном опыте драматурга в жанре трагедии. Однако вопросы о трагедийном конфликте в советской драматургии, о природе и особенностях советской трагедии до сих пор критикой не разработаны. Обходит проблемы жанра «Гибели эскадры» и Е. Горбунова; она оценивает пьесу без учета своеобразия ее формы.

Невнимание Е. Горбуновой к проблеме жанра сказывается и там, где она пишет о комедиях Корнейчука. Ее определения особенностей комедии, как правило, расплывчаты и мало что нового вносят в разработку теории советской комедии.

Серьезные сомнения вызывают границы книги, установленные автором. Работа Е. Горбуновой называется «Драматургия А. Корнейчука». Название обязывает. Читатель ждет от автора не только разбора отдельных, произвольно отобранных пьес А. Корнейчука, но и глубокого анализа самого процесса развития творчества драматурга со всеми его противоречиями и сложностями. А этот сложный процесс нельзя показать, не разобрав, наряду с получившими широкое признание произведениями А. Корнейчука, и такие его пьесы, как «Партизаны в степях Украины» и «Банкир», со всеми свойственными им слабостями и недостатками. Е. Горбунова от этого разбора уходит. «В основу данной работы,— пишет она,— положены наиболее значительные пьесы, сыгравшие положительную роль в жизни советского театра». Но тогда в чем же смысл такого обязывающего названия книги? И не сказалось ли в определении границ книги влияние той критики, которая предпочитает обходить в рассматриваемых явлениях искусства острые углы и сложные вопросы?

Книги о драматургах только тогда полностью оправдают свое назначение, когда каждая из них, обобщая то, что было достигнуто критикой раньше, будет вносить свое, новое в разработку вопросов истории и теории советской драмы, когда авторы будут смелее ставить и решать коренные проблемы художественного мастерства, борьбы за правду и глубину изображаемых в пьесах конфликтов и характеров. Этими качествами, к сожалению, не обладает книга М. Пархоменко. Несомненно, что и книга Е. Горбуновой, заслуживающая в целом положительной оценки, могла бы быть интереснее и глубже, если бы автор большее внимание уделил вопросам мастерства драматурга, вопросам, в разработке которых особо отчетливо проявляется отставание театральной критики.

А. КАРАГАНОВ

М. Пархоменко. «Александр Корнейчук». «Советский писатель». 1952 г. Редактор З. Удонова.

Е. Горбунова. «Драматургия А. Корнейчука». «Искусство». 1952 г. Редактор В. Титова.

делает отчаянные попытки вырваться из ненавистного окружения славянофилов и неистовствующих мракобесов. Однако после смерти Белинского, в годы разнузданной николаевской реакции, великий писатель, физически сломленный, тяжело больной, не нашел в себе смелости открыто заявить о разрыве с реакционным окружением.

Книга Е. Серебровской читается с интересом. Автор привлек много малоизвестного материала, как видно, основательно изучил русские журналы того времени. Мы находим здесь интересные высказывания Гоголя о Белинском (из его черновых вариантов писем и статей).

Написанная простым и живым языком, эта книга могла бы получиться еще интересней и содержательней, если бы автор более вдумчиво анализировал историко-литературный материал.

В книге заметна тенденция смягчить личную вину Гоголя в момент его идейных ошибок и частично затушевать слабые, консервативные стороны в его мировоззрении. В освещении борьбы за Гоголя несколько одиноким представлен Белинский, слабо показано его окружение, участие в борьбе за Гоголя таких ближайших соратников Белинского, как Герцен, Некрасов, Щепкин.

Встречаются в книге фактические ошибки, неточности. Е. Серебровская пишет о том, что Щепкин был возмущен, получив от Гоголя «экземпляр нового издания «Ревизора» с развязкой, придававшей комедии религиозно-нравственный смысл». Получается, что Гоголь изменил развязку своей гениальной комедии. В действительности же все это было не так. Гоголь прислал Щепкину новое произведение, называвшееся «Развязка «Ревизора». Оно-то и вызвало возмущение Щепкина.

Об «Авторской исповеди» Е. Серебровская говорит: «Появление в печати этой исповеди свидетельствовало о том, что Гоголь продолжал упорно жить жизнью писателя-гражданина». Но исповедь появилась в печати спустя несколько лет после смерти Гоголя — в 1855 году.

Автор не должен считать законченной свою работу над этой интересной, но далеко еще не безупречной книгой.

А. ЖАВОРОНКОВ

ТОБОЛЬСК

ИЗ ОПЫТА АКТЕРА

За последнее время появилось несколько новых работ о творчестве актера. Авторы этих книг — сами актеры и режиссеры, и это не случайно. Практики театра начинают понимать, что отставание науки о театре — это и их вина.

Книга **Ю. Толубеева «Путь к образу»** («Искусство». 1952 г. 128 стр.) именно тем и привлекает, что она написана по внутреннему побуждению видного советского актера, желающего активно вмешаться в теоретический разговор о сложном процессе актерского творчества.

Автор рассказывает о своем творческом пути с 20-х годов нашего века, с годов своей артистической юности до сегодняшних дней. Он подчеркивает, какой большой путь внутреннего развития прошли советские актеры, что «объем актерского труда, самая профессия актера стала вмещать в себя нечто большее, чем одно только воплощение драматургических образов». «Новая действительность,— пишет Ю. Толубеев,— сделала актера мыслителем и судьей, общественным деятелем, человеком всеобъемлющих жизненных интересов».

Несмотря на недостаточную композиционную стройность и некоторую скомканность повествования, нетрудно выделить те основные вопросы актерского искусства, на которых останавливается Ю. Толубеев.

Важнейшая сторона в творчестве всякого художника — постоянное ученье у жизни. Толубеев говорит об этом простыми и ясными словами большого практика, пытающегося разобраться в причинах недостаточно глубокого значия жизни многими актерами. «Беда многих из нас заключается в том, что мы начинаем по-настоящему интересоваться окружающей нас жизнью и людьми только в процессе непосредственной подготовки роли — получаем роль и сразу же принимаемся жадно выискивать вокруг себя ее жизненный прообраз... Такое потребительское отношение к собственным наблюдениям и впечатлениям («наблюдаю для того, чтобы найти что-нибудь такое, что мне пригодится на сцене») никогда ни к чему хорошему не приводит... мы перестаем видеть явление во всем его объеме, а ищем в нем только то, что нам собственно и может понадобиться...» Между тем постоянное, непрекращающееся накопление жизненного материала, внимательное изучение жизненного процесса в целом необходимы для актера, ибо принципиально важная, качественно новая черта советского актерского искусства «не только показывать, но и обобщать жизненные явления, обнажать перед зрителями их социально-историческую сущность...»

Ясно доносит Ю. Толубеев мысль о том, что основа актерского творчества — драматургия; что задача актера заключается не в том, чтобы украсить роль своими частными находками, а в стремлении наиболее глубоко передать авторский замысел, суметь как можно достовернее выразить существо образа. Есть в этом смысле поучительные страницы, написанные со здоровым чувством самокритики. Так, на опыте своей работы над ролью Несчастливцева Толубеев раскрывает один из типичных случаев актерской практики, когда «инициатива актера, не имеющая действительной опоры в драматургическом образе, превращается в вымысел, в натяжку и уводит актера в сторону от жизненной правды».

Автор книги говорит об огромной роли в творческом формировании актера системы Станиславского — «системы не в узком, прикладном ее понимании, а системы как целостном учении об актере социалистического театра». Хотелось бы только, чтобы в этой части Толубеев больше опирался на конкретный опыт актера.

Книга Ю. Толубеева, к сожалению, содержит немало общих мест, абстрактных рассуждений. В разговоре мастера-практика театрального искусства ждешь больше живых, конкретных примеров. Книга не совсем соответствует своему названию. Подзаголовок «Из творческого опыта», пожалуй, более отвечает содержанию.

Тем не менее книга Ю. Толубеева — нужное и интересное издание. Она заставит молодого актера задуматься над многими творческими проблемами.

М. ГИЖИМКРЕЛИ

ВОСПОМИНАНИЯ О ДРАЙЗЕРЕ

Книга **Элен Драйзер «Моя жизнь с Драйзером»,** опубликованная в сокращенном переводе Издательством иностранной литературы (Москва. 1953 г. 167 стр.), привлечет внимание широких кругов советских читателей, которым дорого все, что связано с памятью великого американского писателя-реалиста, мужественного обличителя реакции, стойкого поборника мира, демократии и дружбы народов.

Не предлагая читателям ни развернутого творческого портрета Драйзера, ни его систематического жизнеописания, эти «страницы из воспоминаний» его вдовы послужат, однако, ценным материалом для будущих биографов писателя.

Воспоминания Элен Драйзер охватывают четверть века, с 1919 по 1945 год. Это — период создания «Американской трагедии» и «Трагической Америки», период, когда из критического реалиста, «разгребателя грязи» в авгиевых конюшнях американского империализма, Драйзер вырастает в подлинно народного писателя и трибуна и, руководимый, по его собственным словам, логикой всей своей жизни, вступает в ряды компартии США.

Рассказывая об этом периоде жизни и творчества Драйзера, записки Элен Драйзер иной раз дразнят любознательность читателя, не удовлетворяя ее. Автор воспоминаний бегло упоминает о большой поездке Драйзера через всю территорию США, с Атлантического до Тихоокеанского побережья, предпринятой весной 1930 года, в разгар экономического кризиса, и давшей писателю драгоценный материал для его «Трагической Америки». Еще более кратко говорит Элен Драйзер о многолетней дружбе Драйзера с председателем компартии США У. З. Фостером и о тех оживленных беседах и спорах, которые завязывались у Драйзера в эту переломную пору его духовного роста, в начале 30-х годов, с его частыми гостями—деятелями компартии. Элен Драйзер вкратце рассказывает о путешествии Драйзера в 1933 году на юг, в Кентукки, и о составленном им по личным наблюдениям сценарии «Восстание» (из истории жизни и борьбы рабочих табачной промышленности), который был отвергнут монополистами Голливуда и остался в рукописи...

Разделяя, повидимому, не все общественные интересы и убеждения великого писателя, Элен Драйзер не всегда правильно определяет удельный вес приводимых ею фактов, а потому иной раз второстепенные, случайные лица и частные, маловажные детали выдвигаются на авансцену ее воспоминаний.

Но, несмотря на это досадное смещение пропорций, советский читатель найдет в этой книге немало ярких штрихов, выразительно дополняющих дорогой ему образ писателя-демократа.

Теодор Драйзер предстает в воспоминаниях его жены действительно, как человек редкой цельности и силы характера, безраздельно и самозабвенно отдававший себя работе на благо народа.

Огромна и до сих пор еще недостаточно изучена деятельность Драйзера в борьбе против фашизма и угрозы войны. «Он ездил в Вашингтон и Нью-Йорк читать лекции для Общества друзей Советского Союза и Американского общества борьбы за мир,— вспоминает Элен Драйзер.— Он обращался к народу, выступая в Вашингтоне и Нью-Йорке по радио. Он писал листовку за листовкой на всевозможные темы, которые казались ему достаточно важными и к которым он считал необходимым привлечь внимание американского народа; он писал их по собственной инициативе, издавая их за свой счет и тысячами распространяя среди своих друзей и прогрессивно настроенного населения Соединенных Штатов».

Драйзер, который, по словам его жены, «знал Соединенные Штаты... как никто другой, и любил свою родную страну всем сердцем», еще в те времена горячо и последовательно доказывал, что интересы американского народа требуют дружбы и единения с народами России, Индии и Китая, и считал, что это — «единственный способ... отстоять свободу и всеобщий мир».

Трудно без волнения читать один из заключительных эпизодов, где автор вспоминает, как незадолго до смерти тяжело больной Драйзер был вынужден отказаться от заранее назначенного публичного выступления в университете города Лос-Анжелос. Слезы стояли у него на глазах. «Легонько стукнув кулаком по столу, он сказал:

— Да, вероятно, у меня сейчас нет силы выступать перед публикой, но я во что бы то ни стало буду опять говорить о том, о чем я непременно хочу говорить!»

Таким останется Драйзер в памяти его друзей — страстным и мужественным борцом за счастье человечества, отказывавшимся признать себя побежденным даже перед лицом смерти.

А. ЕЛИСТРАТОВА

Новые книги

Анастасьев А. МХАТ в борьбе с формализмом. «Искусство». 244 стр. Цена 12 руб. 25 коп.

Вопросы советской литературы. Сборник I. Издательство Академии наук СССР. 412 стр. Цена 12 руб. 15 коп.

Грубер Р. История музыкальной культуры. Том II. Часть I. Италия, Франция и Испания. Середина XV в.—начало XVII в. Музыкальное государственное издательство. 415 стр. Цена 23 руб. 60 коп.

Жданов В. Н. В. Гоголь. Очерк творчества. Гослитиздат. 120 стр. Цена 3 руб. 50 коп.

Каверин В. Открытая книга. Роман. 1. Юность. 2. Доктор Власенкова. «Молодая гвардия». 552 стр. Цена 13 руб.

ПРОСЧЕТ СИГЕРУ ИОСИДА

19 апреля, как известно, состоялись внеочередные выборы в нижнюю палату японского парламента. За короткий период — менее семи месяцев — японский избиратель голосует второй раз. Прошлый состав парламента, избранный в октябре 1952 года, вынес правительству Иосида вотум недоверия. Не желая уходить в отставку, Иосида распустил парламент и назначил новые выборы.

Таким образом, правительственный кризис был на время искусственно «замятен» парламентским кризисом. Однако эта акция премьер-министра не могла ни от кого скрыть несомненного факта — банкротства его политики перевооружения страны и беспощадного подавления демократического движения. Эта политика привела к глубокому расстройству японской экономики, чудовищной безработице и разорению трудящихся.

Вовлечение Японии на путь подготовки войны наносит ущерб тем группам японской буржуазии, которые не связаны с производством вооружения. Над этими отраслями промышленности нависла депрессия. Вместе с тем, даже некоторая часть крупной буржуазии недовольна пресмыкательством Иосида перед Уолл-стритом. Эти круги желают перевооружаться с помощью США, но отнюдь не хотят терять самостоятельность действий.

Усиление подобных настроений сыграло немалую роль в распаде самой иосидовской партии. От нее откололись оппозиционные группировки, образовавшие новую «японскую либеральную партию».

Распуская парламент и назначая новые выборы, Иосида надеялся, что ему удастся подавить оппозицию в собственной партии и создать прочный фронт консервативных сил.

За короткий срок, отведенный для предвыборной кампании, с американской стороны был предпринят ряд экстраординарных мер, чтобы поднять акции Иосида и обеспечить ему победу на выборах. США обещали и в дальнейшем оказывать Японии «экономическую помощь», предоставили ей новый кредит и обещали будто бы пересмотреть административное соглашение, несколько урезав права, предоставляемые американским гражданам в Японии.

Для успешного проведения избирательной кампании правительство Иосида прибегло к жестоким репрессиям против компартии, профсоюзов и других демократических организаций. Печать сообщала о многочисленных случаях разгона митингов, созывавшихся демократическими кандидатами. Буржуазные партии опирались на финансовую поддержку крупных дельцов.

Однако, несмотря на принятые меры, надежды Иосида и его патронов не оправдались. В результате выборов возглавляемая им либеральная партия получила всего 199 мест — на 46 мест меньше, чем в предыдущем парламенте, и на 84 меньше, чем в парламенте, распущенном в августе прошлого года. Абсолютного большинства не получили и соперничающие с ней другие буржуазные партии, открыто выступавшие за перевооружение.

В то же время кандидаты от левой социалистической партии, выступавшие против перевооружения и за отмену антирабочего законодательства, получили 72 места — на 16 больше, чем в прошлом году. В ряде избирательных округов кандидатов левой социалистической партии поддерживала Коммунистическая партия Японии.

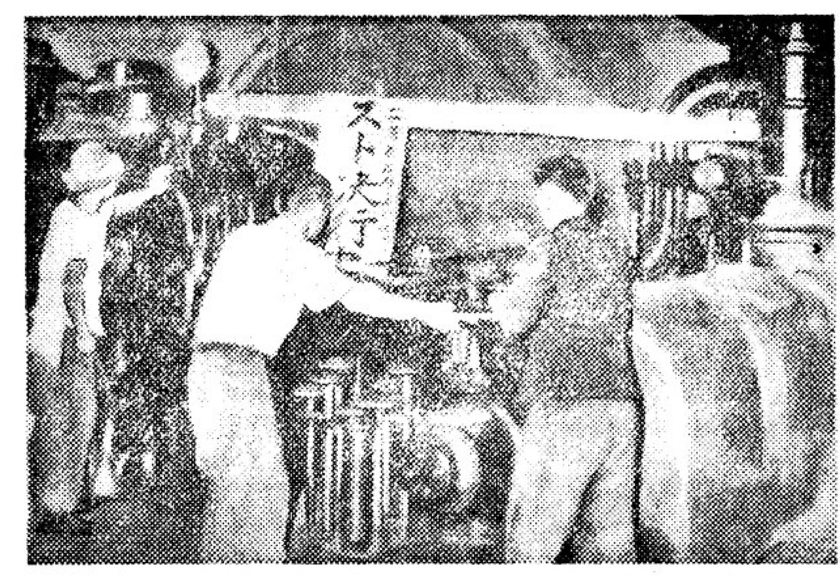
Как известно, лидеры японской компартии вынуждены были из-за жестоких преследований перейти на нелегальное положение. Деятельность партии проходит в исключительно тяжелых условиях, а во время предвыборной кампании властями были приняты специальные — поистине драконовские — меры, чтобы помешать избранию коммунистических кандидатов. Тем не менее, компартия и рабоче-крестьянская партия, выступавшие единым фронтом, получили в нижней палате шесть мест (пять депутатов от рабоче-крестьянской партии и один коммунист).

Таким образом, вместо укрепления позиций либеральной партии и создания фронта всех реакционных сил — налицо ослабление либералов и разброд в лагере их буржуазных соперников. Подобные итоги не могли не встревожить как японскую, так и заокеанскую реакцию.

Крупные магнаты, заинтересованные в продолжении прежнего курса на ремилитаризацию страны, считаясь с возможностью провала либералов на выборах, оказывали поддержку всем консервативным партиям. По свидетельству обозревателей, «в настоящее время жертвователи настаивают на объединении либеральной и прогрессивной партий в качестве компенсации за дальнейшую финансовую поддержку этих партий».

Однако финансовая поддержка магнатов военной промышленности, как бы она ни была велика, не может заменить поддержки народа, выступающего против гибельного курса на возрождение агрессивного японского милитаризма.

Н. ИВАНОВ

Борясь за увеличение заработной платы, японские трудящиеся — члены Национального профсоюза рабочих электропромышленности проводят одну забастовку за другой. На снимке, который мы помещаем, запечатлен момент начала недавней забастовки электриков; рабочие электростанции Цуруми близ Токио выключают генератор.

Снимок из китайской газеты «Шанхай ньюс»

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ А. М. ГОРЬКОГО ВО ФРАНЦИИ

«В дни, когда в стране французской революции бросают в тюрьмы людей за то, что они говорят правду,— «Мать» Горького является книгой, которая вдохновляет и указывает путь». Так писала в конце прошлого года на страницах журнала «Эроп» прогрессивная французская писательница Алис Арвейле в связи с выходом в Париже нового издания романа Горького «Мать».

Новое издание романа, вышедшего на этот раз в качестве пятого тома собрания сочинений А. М. Горького, осуществляемого издательством «Эдитер франсэ реюни», было встречено горячим одобрением всей прогрессивной французской прессы. Писатель Жан Фревиль подчеркивал в своей статье в «Юманите»: «Мать» М. Горького — одно из самых сильных и значительных произведений XX века. Появление нового издания романа — литературное событие, заслуживающее самого большого внимания».

Газета «Леттр франсез» в январе текущего года опубликовала большую статью Андрэ Вюрмсера «Великий Горький», в которой дается разбор произведений, вошедших в первые пять томов сочинений А. М. Горького на французском языке («Клим Самгин», «Фома Гордеев», «Мать» и др.).

В ЮЖНО-АФРИКАНСКОМ СОЮЗЕ

РАСОВЫЙ ТЕРРОР

Это случилось в Бетале, в Южно-Африканском Союзе. От белого фермера сбежал рабочий-негр. Его поймали и долго били. Превозмогая боль, он еле-еле держался на ногах, а когда силы окончательно изменили ему, упал. Но и тогда удары продолжали градом сыпаться на него. Потом беглеца потащили в суд, где судья, во-первых, сурово отчитал его за «нарушение тишины» (избитый негр громко стонал от боли) и, во-вторых, за побег с фермы приговорил его к тюремному заключению. Но в тюрьму Саймон Мбата — так звали негра — не попал: он умер от побоев.

История Саймона Мбата — один из многочисленных примеров, характеризующих жестокую расовую дискриминацию в Южно-Африканском Союзе. Этот беглец-негр принадлежал к той части коренных жителей Южной Африки, которые, вместе с мулатами и индийцами—переселенцами из Азии, составляют три четверти населения Южно-Африканского Союза. Несмотря на это, они не пользуются там никакими правами и подвергаются свирепой эксплуатации и диким преследованиям.

15 апреля в Южно-Африканском Союзе состоялись парламентские выборы: избиралась нижняя палата — палата собрания. Эти выборы являются фальшивыми от начала до конца. К избирательным урнам было допущено около полутора миллионов белых и только 47 тысяч человек, принадлежащих к смешанной расе. Таким образом, подавляющее большинство населения—миллионы негров, мулатов, индийцев вовсе не принимали никакого участия в выборах. Позднее цветному населению будет предоставлена возможность избрать трех белых, которые и возьмут на себя «защиту» их интересов в парламенте.

Ясно, что в таких условиях правящей националистической партии Малана не представляло особого труда собрать необходимое «большинство» голосов. Так называемая объединенная партия, выступающая в роли официальной оппозиции, получила в парламенте на 30 мест меньше, чем партия Малана. Впрочем, большой разницы между ними нет. Выборы были, по сути дела, состязанием двух группировок южно-африканских расистов. В канун выборов и премьер-министр Малан и лидер объединенной партии Страусс, выступая с речами, обещали продолжать политику расовой дискриминации. «Таким образом между позициями обеих партий, занимаемыми ими в вопросе о расовой сегрегации, — заявило на днях лондонское радио, комментируя исход парламентских выборов, — нет резкой разницы».

Итак, расовая дискриминация, или сегрегация (отделение «европейцев» от «неевропейцев»), составляет основу политики правящих кругов Южно-Африканского Союза. Причем в последнее время эта политика начала приобретать еще более ярко выраженный фашистский характер. Малану, премьер-министру Южно-Африканского Союза и лидеру националистов, принадлежит следующее откровенное признание: в Южной Африке, заявил он недавно, белые и впредь «должны жить, как белая раса, и любой ценой сохранять это свое положение».

В соответствии с этой «программой» негры, мулаты и индийцы низведены в Южно-Африканском Союзе на положение «второсортных» жителей. Их человеческое достоинство попирается буквально на каждом шагу. Всюду — в театрах и церквах, в кино и гостиницах, на почте и в железнодорожных вагонах — пестрят унизительные таблички: «Только для белых». Африканец не смеет и шагу ступить, не имея при себе специального пропуска. Без соответствующего письменного (на английском языке!) разрешения он не может, скажем, появиться на улице в вечернее время или переменить место жительства. Английская газета «Обсервер» однажды привела такую цифру: всего в Южно-Африканском Союзе насчитывается двадцать два вида разных пропусков и разрешений, ограничивающих права неевропейского населения.

Расистские правители Южно-Африканского Союза, претендующие на положение «избранной расы господ», загнали африканцев в так называемые резервации. Это пустынные районы с засушливым климатом и малоплодородными почвами. Здесь африканцы, по сути дела, обречены на голод и вымирание. Многие из них покидают резервации и продают себя в кабалу белым фермерам или горнодобывающим компаниям, связанным с американскими монополиями и магнатами лондонского Сити. Судьба одного миллиона африканских батраков, эксплуатируемых на фермах, и нескольких сотен тысяч рабочих, занятых на добыче золота, урана и угля, мало чем отличается от жалкой участи их соотечественников, остающихся в резервациях: и тех и других «цветной барьер» обрекает на нужду, бесправие и унижение.

Негритянское население Южной Африки борется против расового террора, осуществляемого правительством Малана. На фото: **пикетчик у здания парламента в Кейптауне; на плакате написано: «Нам нужен хлеб, а не пули!»**

Снимок из южноафриканского еженедельника «Адванс».

В городах африканцы и индийцы загнаны в гетто. Здесь действует так называемый «закон о городских районах». В силу этого закона африканцы и индийцы могут проживать только на территории особых районов — локаций. Как правило, в таких локациях, которые не идут ни в какое сравнение даже со всемирно-известными трущобами крупнейших городов Западной Европы и США, ютятся тысячи людей. Вот, например, крупнейшая африканская локация Морока, расположенная на окраине Иоганнесбурга, где под холщевыми мешками живут 100 тысяч африканцев.

Это голая пустошь, лишенная растительности. Каждой семье отведен участок в 400 кв. футов для постройки лачуги. В жилищах нет ни окон, ни полов, ни каких-либо приспособлений для приготовления пищи. Они не служат защитой от свирепых ветров и дождей, пронизывающих насквозь ветхие крыши. Крупнейшая электросиловая станция Южной Африки расположена в Орландо, на расстоянии одной мили от локации, но в локации нет электрического освещения. Городское управление предусматривает один водопроводный кран и одну уборную на каждые сто семей... На всю локацию имеется одна больница, расположенная в палатке. Один ребенок из каждых двух умирает в возрасте до одного года.

В аналогичные условия поставлены также и лица индийского происхождения. Сейчас правительство Малана разрабатывает обширный план размещения всех индийцев в локациях. Так, в крупнейшем городе Южной Африки — Дурбане они будут размещены на пустырях за городской чертой. В результате этого в гетто будут загнаны тысячи новых узников.

Осуществляя свою политику, южноафриканские расисты за последние годы провели серию новых законов, рассчитанных на усиление расового гнета в стране. С недавних пор введены в действие законы, запрещающие безработным африканцам находиться в городах без особого разрешения властей; объявлены незаконными браки между «белыми» и «цветными» и т. д. Наряду с этим правящие круги приняли особый «закон о подавлении коммунизма». Цель этого закона — подавление прогрессивных организаций и профсоюзов. Всякого выступающего против зверского расового гнета власти объявляют коммунистом и заключают в тюрьмы и концлагери.

Расистский террор правящих кругов наталкивается на усиливающееся сопротивление угнетенного населения Южно-Африканского Союза. Борьба против законов, введенных правительством Малана, приняла исключительно широкий размах. Вот один из примеров. Участвуя в массовой кампании неповиновения расистским законам, начавшейся в июне прошлого года, тысячи людей в таких городах, как Иоганнесбург, Дурбан, Кимберли, Ист-Лондон, Порт-Элизабет, Претория, негры, мулаты и индийцы не обращали внимания на предостерегающие надписи в кафе и в гостиницах, на почте и на железной дороге, занимали места, отведенные для «европейцев». Угнетенные требуют предоставления прав для себя. Они принимают участие в борьбе за мир, против новой войны.

В ответ на борьбу африкано-индийского населения, выступающего против расистской политики, правительство усилило репрессии и полицейский террор. Министр юстиции Южно-Африканского Союза Сварт заявил: «Я дал полиции указание действовать, и действовать решительно». Это означало: открыто прибегать к оружию, ибо такие, например, средства, пускавшиеся в ход полицией, как слезоточивый газ, по словам Сварта, «просто детские игрушки»... Только за первые три месяца кампании неповиновения было арестовано почти пять тысяч человек. Африканцев, заключенных в тюрьмы, подвергают зверским избиениям.

Участники одной из массовых демонстраций в Кейптауне. Манифестанты держат плакаты с надписями: «Долой сегрегацию!», «Равные права для всех!», «Свободу, а не страх!», «Нам нужен хлеб, а не пули!» и другими.

Снимок из английской газеты «Дейли уоркер»

Не будучи, однако, в силах справиться с массовыми протестами населения против дискриминационных законов даже с помощью «самых жестоких мер», введенных Маланом, Свартом и К°, правящие круги Южно-Африканского Союза в начале этого года добились принятия парламентом двух новых реакционных законопроектов. Характеризуя «закон об обеспечении общественной безопасности», выходящая в Иоганнесбурге газета «Стар» писала, что теперь правительство получает полномочия в любое время объявлять страну на военном положении и, следовательно, усилить расовый террор в стране.

Второй законопроект направлен против всех участников и руководителей кампании сопротивления расистским преследованиям. В качестве меры наказания для всех «нарушителей» расовой сегрегации этот чудовищный закон предусматривает строгое тюремное заключение и порку.

Бывший генеральный секретарь профсоюза швейников Трансвааля Эмиль Сакс, которому власти запретили заниматься профсоюзной деятельностью, назвал Южно-Африканский Союз «огромным концлагерем». Однако расистам не удается сломить волю угнетенных. Борьба против расового террора в Южно-Африканском Союзе усиливается.

Ю. ГЕОРГИЕВ

Демонстрация населения Кейптауна, организованная в знак протеста против преследования участников кампании неповиновения фашистским законам правительства Южно-Африканского Союза

Снимок из южноафриканского еженедельника «Адванс»

КОММЕНТАРИИ ИЗЛИШНИ!

Буржуазная французская газета «Фигаро» в номере от 19 февраля 1953 года привела выдержку из статьи, помещенной другой французской газетой — «Паризьен либерэ»:

LE FIGARO

En France, aujourd'hui, il y a deux fois plus de chômeurs qu'il y a un an. Les chômeurs touchent, à Paris, une indemnité journalière de l'ordre de 275 francs. De quoi ne pas mourir de faim, direz-vous? Non, car il est bien évident qu'on ne peut se procurer, pour 8.000 francs par mois, et après avoir payé tout le reste, une nourriture suffisante pour maintenir longtemps la vie d'un adulte. Le vrai chômeur est un homme condamné.

«Во Франции сегодня насчитывается вдвое больше безработных, чем год тому назад. Безработные получают в Париже пособие из расчета 275 франков в день. Достаточно, чтобы не умереть с голоду, скажете вы? Нет, так как совершенно ясно: на 8.000 франков в месяц, после всех остальных расходов, невозможно обеспечить питание, достаточное для того, чтобы длительный срок поддерживать жизнь взрослого человека. Настоящий безработный — это человек обреченный...

...Недопустимо, чтобы люди голодали в стране, страдающей от сверхпроизводства вина, сахара, фруктов, в большой стране с 43 миллионами жителей, которая, если бы в ней навели порядок и хорошо управляли ею, могла бы прокормить еще 10—15 миллионов человек дополнительно!».

Комментарии излишни!

По страницам печати

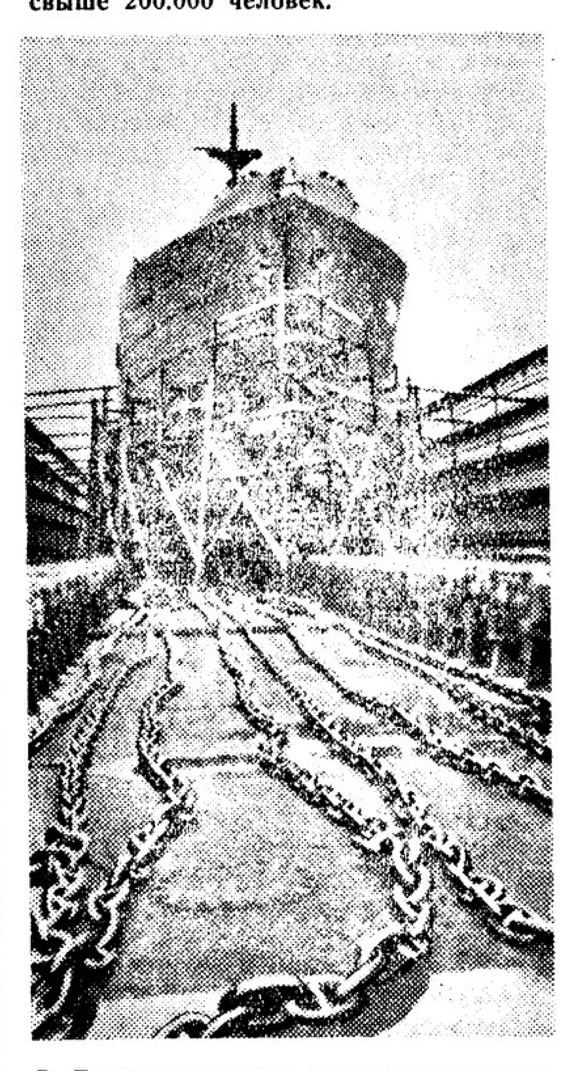
«Трибуна люду» — Польша, **«Скынтейя»** — Румыния, **«Народна младеж»** — Болгария.

Морская столица Польши

Когда Советская Армия освободила польский город Гданьск, 85 процентов его зданий было совершенно уничтожено гитлеровцами. Гданьска, который представлял собой один из великолепнейших архитектурных памятников, почти не существовало. Свободный польский народ поднял город из развалин.

«Восстановление порта и коммуникаций,— сообщает газета **«Трибуна люду»,— возрождение судоверфи, полная драматизма борьба за осушение затопленных гитлеровцами Жулав, самоотверженная работа ученых по восстановлению бесценных памятников гданьской архитектуры — все это лишь небольшие фрагменты восстановительных работ в польском Гданьске.**

Сегодня в Гданьске живут и работают свыше 200.000 человек.

В Гданьских доках ремонтируются десятки польских и иностранных судов.

Снимок из польского журнала «Свят»

Порты Гдыня и Гданьск уже значительно превысили довоенные обороты. В центре города вновь красуются восстановленные здания... Спасено от окончательного разрушения и уже восстанавливается здание Морской кафедры. Восстановлена 80-метровая башня ратуши — шедевр архитектурного искусства мастеров XVI века...»

Гданьск и расположившиеся рядом с ним порты Сопот и Гдыня бурно строятся как один городской ансамбль.

«По перспективному плану, — сообщает газета,—**население ансамбля Г—С—Г достигнет 600.000 человек, в том числе в Гданьске** — 350 тысяч...

Своеобразным позвоночником ансамбля Гдыня—Сопот—Гданьск, который растянется на 36 км, будет коммуникационная ось, обслуживаемая трамваем, троллейбусом, автобусом и железной дорогой. Уже построена трамвайная линия до Сопота и троллейбусная линия Сопот—Гдыня, значительно расширено шоссе Гданьск—Вжешч—Сопот, сдана в прошлом году в эксплуатацию электрическая железная дорога Гданьск—Сопот и Гданьск—Новый Порт. В этом году электрическая железная дорога соединит Гданьск с Гдыней, а к концу шестилетки будет электрифицирован весь железнодорожный узел».

Гигантская работа по возрождению из руин старейшего, тысячелетнего польского города Гданьска в разгаре. Он становится морской столицей Народной Польши.

Богатства Западных Карпат

Леса и пастбища — огромное богатство Западных Карпат. Румынские и иностранные капиталистические компании хищнически истребляли леса, оставив на месте дубрав голые ребра гор, на месте пастбищ — размытую землю. Потоки низвергающейся с гор воды уносили с собой хижины моцов, жителей гор.

«В годы режима народной демократии,— пишет румынская газета **«Скынтейя»,— началась решительная борьба за восстановление природных богатств Западных гор. На площади в 11 600 га проведены посадки леса. В этом году будет облесено еще 3 100 га... Коллектив агрономического института клужского филиала Академии наук Румынской Народной Республики, применяя методы советских ученых Вильямса, Мичурина и Лысенко, провел в зоне Западных Карпат большую работу по восстановлению пастбищ и лугов и повышению их продуктивности. В горах на значительной высоте были созданы опытные участки. Опыты подтвердили, что урожаи кормов в Западных Карпатах могут быть удвоены и даже утроены. Созданы также несколько питомников фруктовых деревьев и огороды, на которых выращиваются помидоры, морковь, фасоль, картофель».**

Газета сообщает, что ученые внесли уже немалый вклад в дело создания кормовой базы и развития животноводства в районе Западных Карпат.

Укрощенная Росица

Болгарские газеты сообщили о новой замечательной победе трудящихся Болгарии. 5 апреля сдано в пробную эксплуатацию одно из крупнейших водохранилищ республики — Росица вместимостью 220 миллионов кубометров воды. Уже нынешним летом это искусственное море позволит оросить более 35 тысяч гектаров земли, избавит население от наводнений. Сооружение плотины, а также оросительной системы осуществлено благодаря новейшим советским машинам и помощи советских специалистов.

«Это было 28 июня 1939 года, — пишет газета **«Народна младеж».— Под вечер со стороны Балканских гор донесся зловещий гул. Над долиной, закрыв все небо, нависла черная туча. Когда вода в верховье реки начала подниматься, начальник полиции города Севлиева заявил встревоженным жителям: «Ничего, не первый раз поднимается река, поднимется и опустится». А в полночь разразилась катастрофа...»**

Победа народной власти вселила надежду в сердца людей. И они не обманулись. В солнечное июньское утро 1948 года в долину Росицы прибыли первые строители.

Нужно было воздвигнуть огромную плотину, высотой в 54 метра, уложить 200 тысяч кубометров бетона.

«Скоро, — пишет газета, — **белые от пены воды Росицы своим стремительным падением с высоты приведут в движение турбины строящейся здесь гидроэлектростанции. Ежегодно она будет давать свыше 15 млн. киловатт-часов электроэнергии. В орошенной долине зазеленеют пшеничные поля и рисовые плантации, фруктовые сады нальются сочными плодами, виноградники — золотистыми гроздьями ягод...»**

Памяти Эриха Вайнерта

Мировая прогрессивная поэзия понесла большую утрату. После продолжительной и тяжелой болезни скончался немецкий пролетарский писатель Эрих Вайнерт, пламенный патриот своей родины, верный друг Советского Союза, страстный поборник германо-советской дружбы.

Поистине героический жизненный путь прошел этот поэт-трибун, неразрывно связанный с немецким рабочим классом. В двадцатые годы он разъезжает по Германии и Австрии, и огромные афиши на улицах Берлина и Вены, Кельна и Дрездена извещают о выступлениях поэта. С 1924 по 1933 год во время своих знаменитых пропагандистских турне Вайнерт написал много боевых злободневных стихотворений. В этих стихах Вайнерт говорил об угрозе войны и фашизма, подчеркивал значение Советского Союза как оплота мира во всем мире, призывал к единству европейского пролетариата в борьбе за демократию. Его знали и любили тысячи рабочих многих стран Европы.

Эрих Вайнерт сражался против фашизма не только пером. С 1937 по 1938 год он — в рядах Интернациональной бригады в Испании. В годы Великой Отечественной войны Советского Союза против гитлеровской Германии Вайнерт, находясь в нашей стране, написал свыше сотни стихотворных и прозаических листовок, обращенных к обманутым солдатам гитлеровской армии, неоднократно выступал с микрофоном на переднем крае. Его выступления и фронтовые записи составили выпущенную им впоследствии книгу «Помни о Сталинграде».

В 1946 году Вайнерт вернулся на родину. Он награждается Национальной премией и избирается членом Германской академии искусств. В 1950 году ему была присуждена премия имени Мартина Андерсена Нексе, как поэту, «творчество которого в наибольшей мере содействовало пробуждению демократического сознания немецкого народа». В 1952 году Вайнерт вторично награжден Национальной премией, как выдающийся поэт и борец за мир.

Эрих Вайнерт вошел в немецкую поэзию как автор широко известных сборников стихов: «Балаган» (1925), «Придет день» (1934), «Рот фронт» (1936), «Сталин говорит» (1942), «Зовы в ночь» (1947), «Вторая глава всемирной истории» (1947), «Камарадос» (1952).

Несмотря на тяжелую болезнь, Эрих Вайнерт и в последние годы своей жизни продолжал писать. Он переводил стихи русских классиков и советских поэтов, опубликовал недавно сборник переводов из Тараса Шевченко. Его перу принадлежит поэтическое приветствие XIX съезду Коммунистической партии Советского Союза, стихи «Благодарность миллионов», «Песня германо-советской дружбы».

Мы публикуем сегодня одно из стихотворений Эриха Вайнерта, написанных им в последние годы его жизни. Стихотворение «Слово к писателям» было написано в мае 1952 года и посвящено III конгрессу немецких писателей.

Слово к писателям

Вдумчиво вчитайтесь в слово это.
В нем загадок отвлеченных нет.
Мир и счастье строит стих поэта,
Если долг свой осознал поэт.

Если он, великой цели ради,
По душам с людьми заговорит
И, в лицо бесстрашной правде глядя,
Трудный путь к свободе озарит.

Он поэт! Он силой слова может
Заговор банкротов обличить,
Тех, кто сеет хаос, мир тревожит,
Чтоб в капкан народы залучить.

Это он в своих твореньях призван
Труд воспеть, который мы ведем,
Всех подняв на стройку новой жизни
Вечным поэтическим огнем.

Это он — поэт, певец свободы —
Должен стать глашатаем страны,
Возвестить решения народа —
Драться против смерти и войны.

Да! Молчанье было бы изменой!
Хочешь мира — бойню заклейми!
В этом долг твой,
высший и священный,
Перед всеми честными людьми!

Перевел с немецкого Лев Гинзбург

Главный редактор К. СИМОНОВ.

Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30

Б00837.